ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ

ЧЕРНЫЕ ПЕРЬЯ

РАБОТА ДЛЯ ГРОБОВЩИКА

Марджери Аллингем

Черные перья. Работа для гробовщика (сборник)

Серия «Золотой век английского детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36966710
М. Аллингем. Черные перья. Работа для гробовщика / [Сборник]: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-103407-8

Аннотация

Череда неприятностей вмешивается в работу одной из крупнейших художественных галерей Лондона: за испорченной картиной следует таинственное убийство управляющего. Паутина интриг оплетает семью владельца галереи, и распутывать ее придется его юной дочери и 90-летней матери – последней представительнице Викторианской эпохи.

Семейство Палиноуд, известное в обществе своей экстравагантностью, в этот раз привлекло к себе внимание подозрительными смертями. Детективу Альберту Кэмпиону предстоит разобраться не только с двумя отравлениями, но и с анонимными письмами, нападениями и исчезающим гробом…

Содержание

Черные перья 5
Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 23
Глава 4 35
Глава 5 49
Глава 6 71
Глава 7 84
Глава 8 101
Глава 9 119
Глава 10 136
Глава 11 152
Глава 12 167
Конец ознакомительного фрагмента. 176

Марджери Аллингем
Черные перья. Работа для гробовщика
Сборник

Margery Allingham
Black Plumes
More Work For The Undertaker

© Rights Limited, 1940, 1948
© Перевод. И. Моничев, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Черные перья

Глава 1

Октябрьский ветер, весь день грозивший дождем, в нерешительности замедлил свой беспечный полет над влажными мостовыми, чтобы швырнуть пригоршню капель в стекла окон гостиной большого дома в Хэмстеде. Звук получился настолько внезапным и озлобленным, что молчание, воцарившееся между двумя женщинами, сидевшими в комнате, стало на мгновение пугающим, словно в нем возник невесть откуда взявшийся оскорбительный смысл.

Престарелая миссис Габриэлла Айвори смотрела на внучку. Ее глаза были по-прежнему ясными, такими же проницательными и черными, как почти семьдесят лет назад, когда она не отвела их от взгляда властной женщины, сидевшей на небольшом позолоченном троне во время первого в сезоне собрания Двора. Габриэлла Айвори обладала не менее сильным характером, чем королева Виктория, и уж точно превосходила ее красотой, хотя сейчас, расположившись в высоком кресле, отгороженном лакированной ширмой, и закутавшись в серый сатин, она выглядела одряхлевшей.

Девушке, стоявшей перед ней на ковре, едва исполнилось двадцать лет. В строгом темном костюме и накидке, оторо-

ченной лисьим мехом, она казалась даже моложе. Но сходство между женщинами проступало отчетливо. Старейшая и самая юная представительницы рода Айвори отличались семейной красотой, утонченными чертами и выражением, которое иногда называли прямолинейным, а порой и дерзким.

– Ну, так что же? – заговорила Габриэлла. – Я старая женщина, моя дорогая, почти девяностолетняя. От визита ко мне толку мало. Именно так ты рассуждаешь? – Ее голос звучал отчетливо, хоть и был тонким, а в заключительном вопросе сквозил намек на удивление.

Миндалевидные серые глаза Фрэнсис Айвори сверкнули. Престарелая леди была права, и теперь девушке представлялось нелегкой задачей объяснить самой себе возникшее чувство беспокойство. Мейрик Айвори, вдовец, обожавший свою матушку, внушил младшей дочери отношение к Габриэлле как к легендарной личности. Для нее она неизменно рисовалась восхитительной красавицей «золотой эпохи», связующим звеном с великими викторианцами, существом, наделенным неслыханным могуществом и влиянием. Потому на протяжении всех последних тревожных недель Фрэнсис утешала себя мыслью, что в крайнем случае, пусть даже сам Мейрик находился на другом конце света, рядом в Хамстеде всегда оставалась Габриэлла. Вот почему сейчас, когда настал момент обратиться к ней за помощью, было трудно осознать, что та, вероятно, стала попросту старой женщиной и слишком уставшей, чтобы докучать ей.

Миниатюрная фигура в высоком кресле нетерпеливо заерзала, будто прочитала мысли своей посетительницы, и они привели ее в раздражение.

– Мейрик еще не скоро вернется из Китая, так ведь? Любопытно, как в его отсутствие ведет себя Роберт Мадригал? Мне этот молодой человек никогда не нравился. Не понимаю, почему твоя полоумная сводная сестра вышла за него замуж. Не слишком подходящая персона, чтобы возглавлять Галерею.

Она сделала акцент на последнем слове. С самого начала предыдущего столетия, когда ее свекор, прославленный Филипп Айвори, купил великолепный особняк рядом с парком Сент-Джеймс и выставил там коллекцию Гейнсборо, сразу привлекшую внимание модного светского общества, обладателей титулов и денег, дом 39 на Саллет-сквер стал именоваться галереей и оставался ею по сей день теперь уже благодаря многолетней истории богатства и престижа, равных которым не было в Европе.

– Так что скажешь? – Старуха была настойчива. – Как он ведет себя?

Фрэнсис колебалась.

– Роберт и Филлида живут вместе со мной в доме 38, – осторожно начала она. – Это была идея Мейрика. Он пожелал, чтобы Роберт находился рядом.

Узкие губы миссис Айвори скривились. Упоминания о соседнем с галереей доме, где она полновластно царствовала

на протяжении всей своей активной жизни, начиная с расцвета в семидесятых годах и вплоть до конца века, неизменно ее волновали.

– Значит, Филлида тоже обитает в тридцать восьмом? – уточнила она. – Мейрик не рассказывал мне об этом. Наверное, тебе нелегко уживаться с ней? Хотя я тебя не виню. Сама никогда не выносила дураков в доме, даже мужчин. А уж глупая женщина… Что она натворила на сей раз?

– Нет, дело не в Филлиде, – медленно произнесла Фрэнсис. – Нет, дорогая моя, мне даже жаль, что проблема не в ней.

Она отвернулась и посмотрела в окно на деревья в дальнем конце пустоши. Ее заботило нечто более серьезное, чем недостатки старшей сводной сестры.

– Бабушка, – Фрэнсис понимала, насколько по-детски и бессмысленно звучат ее слова, – что-то странное происходит.

Габриэлла рассмеялась. Смех получился тихим, но с тем же едва ощутимым оттенком ехидства, какой присутствовал в нем, когда она смеялась в величественных гостиных далекого прошлого.

– Так было всегда, – заметила она.

– Да, знаю, но на сей раз речь о другом. – Фрэнсис решилась на откровенность. – Творится преднамеренное зло, и оно опасно. Я меньше всего хотела бы показаться глупышкой, драматизирующей ситуацию, но мне кажется, что нечто

непоправимое может случиться в любую минуту, и необходимо сделать все, дабы предотвратить это. Понимаете, мне не к кому больше обратиться. Работники галереи в растерянности, и в сложившихся обстоятельствах их нельзя за это винить…

– Нет, милая, не надо разговоров о бизнесе, – в протестующем голосе старой женщины слышалось отвращение. – Оставь бизнес мужчинам. Когда я была в твоем возрасте, женщине считалось неприличным разбираться в подобном. Конечно, это мнение вздорное, однако от скольких же неприятностей оно нас уберегло. Тебе нужно выйти замуж. У Филлиды нет детей, что можно считать благословением с ее-то дурной наследственностью, но кто-то же должен продолжить наш род. Приходи ко мне в любое время, чтобы обсудить супружество, но только не бизнес.

Фрэнсис похолодела. Ее худшие ожидания оправдывались. Рассчитывать на помощь не приходилось.

– Роберт заявил мне, что я должна выйти замуж за Генри Лукара, – сообщила она.

Ей и в голову не приходило, что Габриэлла может знать это имя, поскольку Мейрик едва ли упоминал столь незначительную фигуру в своей фирме, разговаривая с матерью. А потому резкий скрип кресла оказался для нее неожиданностью.

– Не тот ли это мужчина, которого спасли во время экспедиции Годольфина? – уточнила старая леди. – А я-то счи-

тала его кем-то вроде ответственного за перевозку багажа, погонщика верблюдов. Или они использовали мулов?

Фрэнсис улыбнулась:

– Нет, дорогая моя. Будьте справедливы к нему. Он действительно отправился в экспедицию как помощник Роберта, но это здесь ни при чем. Вернулся героем и стал служащим фирмы. Мне он не по душе. А после отъезда папы стал нравиться еще меньше. Изображал умника, а в последнее время превзошел сам себя, хитрый маленький звереныш. Хотя отвергнуть Генри Лукара меня заставил не снобизм. Если бы он был мне симпатичен, то не имело бы значения, какое положение он занимает в обществе. Но я его недолюбливаю, вот и все.

Фрэнсис говорила так, словно пыталась оправдаться, повторяя аргументы, которые использовала в том изумившем ее разговоре с Робертом. Она выглядела на редкость отважной и современной девушкой, стоя в этой огромной комнате, обставленной вещами, элегантность и красота которых уже казались забытыми.

Габриэлла выпрямилась в кресле. В вопросах брака ее поколение женщин разбиралось хорошо, и ясные глаза теперь смотрели жестко.

– Неужели этот тип набрался наглости и попросил твоей руки?

Фрэнсис замерла. Столь откровенный снобизм привел ее в замешательство. До чего же характерно для человека «ве-

ликой эпохи» сузить тему беседы, лишить ее истинной перспективы, сосредоточившись на единственном второстепенном аспекте.

– В этом я не усмотрела ни малейшей наглости, дорогая бабушка. Но Роберт стал донимать меня просьбами серьезнее воспринимать этого жуткого маленького зверька, это был еще один факт к прочим, более значительным происшествиям. А Лукара едва ли можно винить за обычное предложение. Почему он не мог сделать его?

– Почему? – Миссис Айвори напряглась, серый кружевной платок, повязанный на голове, изящными линиями обрамлял ее изможденное лицо. – Не будь дурой, девочка, и не забывайся. Этот Лукар не более чем слуга или был слугой, пока по случайной прихоти фортуны ему не удалось спасти свою жизнь и приобрести печальную известность. А ты – красивая, хорошо воспитанная и образованная девушка, владеющая большими деньгами. Мне кажется нелепым нынешнее поветрие делать вид, будто деньги не имеют значения. Никого этим не обманешь. В действительности никто не думает ни о чем ином. Матушка оставила тебе двести тысяч фунтов. Это огромное состояние. Разумеется, неслыханная дерзость со стороны такого человека, как Лукар, предлагать себя в мужья. Любой мужчина, делающий тебе предложение, неизбежно окажется в неловком положении, за исключением того, кто либо очень богат сам, либо располагает особыми привилегиями, которые оправдывают его наме-

рения. А этот погонщик верблюдов излишне самонадеян. Во имя всего святого, не идеализируй его и не внушай себе, будто он представляет собой нечто большее. По-моему, Роберт совсем из ума выжил. Я обязательно обговорю это, когда он вернется.

Пожилая женщина откинулась назад, закрыв глаза после чрезмерного усилия, а Фрэнсис стояла с раскрасневшимся лицом, глядя на нее. Было много написано о том, насколько нравы современных людей шокируют представителей Викторианской эпохи, но ничто не сравнится с шоком, в который способны повергнуть современного человека сами викторианцы со своей старомодной прямотой.

«Роллс-ройс» Мейрика еще никогда не казался Фрэнсис настолько уютным, как в тот момент, когда она села в него, скрывшись от порывов ветра, норовивших сорвать шляпку и болезненно хлеставших по коленям. Разговор получился хуже, чем просто бесполезным, и теперь она упрекала себя, что решилась на него. Фрэнсис посмотрела в окно на промозглые улицы города и плотнее забилась в уголок на заднем сиденье автомобиля. Ей было страшно. Сделанное ею открытие тревожило. Одно дело – проводить день за днем с нарастающим беспокойством и с нарождающимися подозрениями, и совсем другое – внезапно ощутить уверенность в серьезности проблемы и необходимость справляться с ней. Особенно если тебе еще не исполнилось даже двадцати лет и ты совершенно одинока.

Водитель остановил лимузин перед особняком номер 38, но Фрэнсис подала ему знак не звонить в дверь. Если Филлида была дома, то, скорее всего, еще лежала в постели в комнате с закрытыми жалюзи, окруженная вниманием очередного врача. Фрэнсис выбралась из машины и прошла дальше до здания галереи, распахнувшей свои сдержанные объятия, приветствуя ее. На первый взгляд, дом 39 на Саллет-сквер, где можно было обнаружить все – от обширного собрания картин Рембрандта до скромного образца модернистской резьбы по дереву, – производил впечатление внушительного, хотя и очень уютного особняка. Но сейчас даже обычная элегантность здания выглядела явно чем-то нарушенной. Фрэнсис, ставшая теперь очень восприимчивой, заметила изменение в атмосфере дома, едва войдя в холл. Многие чувствительные люди признают, что переживали нечто подобное, потому что дом, где бурлят эмоции, приобретает от этого едва уловимую ауру беспокойства, витающую, как кажется, в самом воздухе. Когда Фрэнсис перешагнула через порог, ее обдало этим ощущением, словно волной.

Глава 2

– Ну конечно! Дело весьма серьезное, и естественно, что мистер Филд разгневан.

Секретарша мисс Дорсет откинулась на спинку кресла в приемной, и румянец покрыл ее худощавое лицо.

– Какой художник не злился бы, если во время выставки ему позвонили бы из галереи и спокойно сообщили, что одна из его лучших картин была порезана? Мисс Айвори, как бы мне хотелось, чтобы ваш отец скорее вернулся!

Мисс Дорсет была одной из тех худосочных женщин, что в молодости выглядят цветущими, но за годы службы постепенно старятся незаметно для окружающих и даже для самих себя. Она отодвинула записи и приготовилась встать из-за стола, ее губы нервно сжались.

– Дэвид Филд здесь? – Голос Фрэнсис дрогнул, но мисс Дорсет находилась не в том состоянии, чтобы услышать это.

– Да. Они все собрались в кабинете мистера Мейрика и обсуждают случившееся, устроив громкий скандал и предоставив мистеру Филду повод для рассказов всему Лондону. Будь мистер Мейрик тут, он бы просто взорвался от возмущения. История, рассказанная Формби, предельно ясна и ужасающе неприятна. Речь идет о большом портрете мексиканской танцовщицы, инвентарный номер шестьдесят четыре. Прекрасное произведение искусства.

– Формби видел, кто это сделал?

Фрэнсис оказалась совершенно сбитой с толку. Многие годы Формби служил в фирме швейцаром, и представлялось немыслимым, чтобы такой беспрецедентный акт вандализма мог произойти у него под носом.

Мисс Дорсет избегала встречаться с ней взглядом.

– Он твердо придерживается своей истории, – неохотно ответила она. – Настаивает, что все было в полном порядке в два часа, когда он прошел в большую галерею, чтобы поговорить с мистером Робертом, который как раз беседовал с мистером Лукаром. Когда же через пятнадцать минут они оба ушли, Формби вернулся на свое прежнее место и обнаружил повреждение. Он поднял тревогу, и Норт позвонил мистеру Филду. Это такой же злонамеренный и опасный случай, как и все остальные прискорбные происшествия.

– Так Формби утверждает, что там не было никого, кроме Роберта и Лукара, которые были вместе? И понимает ли он, какой вывод вытекает из этого?

– Не спрашивайте, пожалуйста! – С трудом сдерживаемое возбуждение придавало манерам мисс Дорсет смелость. – Жизнь научила меня держать рот на замке и закрывать глаза на многие вещи, которые творились в этом бизнесе, но сейчас я начинаю думать, что у любой сдержанности есть свои пределы. Я работаю на вашего отца с семнадцати лет и очень уважаю его. Я набралась решимости нарушить субординацию и написать ему правду после случая с королевским ката-

логом. И теперь уверена, что обязана послать ему телеграмму. У нас солидная старая фирма с великими традициями, и просто стыдно видеть, как она страдает от рук безумца, если только он не является кое-кем похуже. Никогда прежде я не позволяла себе произнести нечто настолько откровенное, но кто-то же должен наконец сказать правду.

Фрэнсис медленно поднялась по лестнице. Дверь в личный кабинет Мейрика была открыта, и, задержавшись в коридоре, девушка могла слышать доносившиеся оттуда голоса. Фрэнсис сразу узнала настойчивый кокни швейцара.

– Да, я особливо пригляделся именно к той картине, сэр, – говорил он. – С ней все было в полном порядке, когда я прошел мимо в два часа. На смертном одре не изменю своих слов. Готов повторить их хоть законникам в суде. Разве ж я могу выражаться яснее, а, сэр?

– Верно, не можете, старина. Вы все изложили предельно ясно… И что же теперь? Способны ваши сотрудники восстановить полотно, Мадригал? И как долго они, по вашему мнению, с этим провозятся?

Второй голос, раздавшийся в кабинете, Фрэнсис тоже узнала и с досадой почувствовала, что на нее подействовало его обаяние. За Дэвидом Филдом закрепилась репутация человека, сумевшего очаровать многих женщин своим небрежно дружеским подходом к жизненным перипетиям. Она поспешно прошла вперед, но густой ковер заглушил звук ее шагов, и потому, стоя на самом пороге, она оставалась никем

не замеченной.

Комната, обшитая белыми панелями, служила в восемнадцатом веке будуаром для некой герцогини. Было странно, когда за большим письменным столом восседал Роберт, а Лукар торчал с вальяжным видом рядом с ним. Из всех невзрачных людей, которых Фрэнсис когда-либо встречала, этого можно было поставить на первое место: низкорослый мужчина, уже начавший полнеть, с рыжими волосами и постоянно раскрасневшимся лицом, совершенно не подходившим к подобной шевелюре. Но даже такая внешность была бы сносной, не будь Лукар настолько самовлюбленным. А его высокое самомнение просто бросалось в глаза. Он источал его, постоянно задирая нос, кривя в усмешке свои полные губы, расправляя плечи и передвигаясь на пухлых коротких ногах с чрезвычайно уверенным видом. Из присутствующих в комнате только Лукар казался полностью удовлетворенным ситуацией. Роберт же был более нервным, чем обычно. Его прямоугольное лицо, очертаниями напоминавшее гроб, посерело, а кончиком пера без чернил он машинально прокалывал мелкие дырки в листе бумаги, причем пальцы его дрожали.

Формби неподвижно стоял спиной к Фрэнсис, а в кресле позади него расположился высокий и сухощавый человек, на которого она избегала смотреть. При обычных обстоятельствах ее нельзя было назвать застенчивой, но сейчас Фрэнсис намеренно отводила взгляд от Дэвида Филда.

– Не беспокойтесь, мистер Филд. Мы подновим вашу вещь, – слово опять взял Лукар, и беспечность его тона звучала поистине оскорбительно. – Картину придется изъять из экспозиции на пару дней, с этим ничего не поделаешь.

Внезапно в разговор вступил Роберт:

– Вы можете полностью положиться на нас. Мы займемся картиной незамедлительно. Не могу даже выразить словами, насколько мы шокированы происшествием со столь прекрасным полотном и что оно случилось, когда картина была доверена нашему попечению.

– У вас, разумеется, есть страховка? – Филд задал вопрос с рассеянным видом, и возникла неловкая пауза.

– Да, конечно. Мы застрахованы. – На бледных щеках Роберта проступили неестественного цвета пятна. – Однако в сложившихся конкретных условиях, учитывая минимальный характер ущерба, обращение к страховщикам лишь замедлит процесс реставрации. В конце концов, мы все хотим, чтобы картина как можно скорее вернулась на выставку. И это главное.

Попытка защититься получилась неубедительной. Филд поднялся, и свет из окон напротив четко обрисовал его стройный силуэт.

– Но главное, – сказал он, разглядывая собеседников, склонив голову набок, – Мадригал, как именно произошел инцидент.

Это было приглашение к откровенности, типичное для ху-

дожника, однако Роберт даже не попытался откликнуться на него. Он лишь поднял голову, его глубоко посаженные глаза, способные гневно сверкать при малейшем раздражении, оставались сейчас невыразительными.

– Об этом я понятия не имею. Ни малейшего понятия.

Живописец пожал плечами:

– Ладно. Вероятно, я веду себя глупо, но если вы восстановите полотно и вернете его на прежнее место к концу недели, то мы забудем об этом странном происшествии. И постарайтесь получше приглядывать за своими сотрудниками. Мейрик Айвори стал для меня добрым другом в начале моего творческого пути, и мне бы не хотелось повредить интересам старика, но свои картины я создаю в буквальном смысле потом и кровью. И я не могу допустить, чтобы их так запросто кромсали. Еще один несчастный случай – и выставку придется закрыть.

Лукар собирался что-то сказать. У него была своеобразная привычка поводить плечами, прежде чем произнести очередную неуместную тираду, а потому, к счастью, Роберт успел опередить его:

– Правильно, все правильно. Норт уже наверху и занимается доставкой картины в мастерскую. Вероятно, вам лучше будет присоединиться к нему, Лукар. Внушите ему мысль, что он должен обращаться с полотном максимально осторожно. Происшедшее ужасно, поистине ужасно.

В каждом слове звучало нервное напряжение, и Лукару

оставалось лишь подчиниться. Он соскользнул с края стола, на который чуть ранее удобно пристроился, а потом, повернувшись к двери, заметил Фрэнсис.

– А, здесь мисс Айвори! – воскликнул он, произнеся имя так, что в нем наряду с почтением прозвучала оскорбительная интонация. – Вот что скрасит для меня остаток дня. Только, пожалуйста, дождитесь меня. Я скоро вернусь.

Лукар многозначительно улыбнулся Фрэнсис и вышел из комнаты, оставив у всех ощущение неловкости.

– Здравствуй, Фрэнсис! – Роберт выдавил не слишком убедительную приветственную улыбку. – Ты знакома с мистером Филдом, не так ли?

– Да уж надеюсь, что знакома. – Художник заметно оживился. – Она была моей первой клиенткой. Я написал ее портрет, когда ей было четырнадцать лет. На гонорар, заплаченный Мейриком, смог отправиться в США. Там и началась моя карьера. Привет, Фрэнсис, милая моя! Рад тебя видеть. Хотя я сейчас расстроен. Кто-то принялся тыкать ножом в мою прелестную сеньориту. От подобного надругательства любой оправился бы не сразу. Но лучше скажи, чем ты теперь занимаешься? Какие планы на сегодня? Давай пойдем куда-нибудь и выпьем хереса. Или здесь для этого слишком рано? Никак не привыкну к обычаям родного города после стольких лет вольного существования. Впрочем, неважно, можем просто поесть мороженого.

Дэвид Филд явно болтал о пустяках, чтобы избавить Фр-

энсис от смущения, в которое привели ее слова Лукара, и она была благодарна ему за это.

– Я с радостью приму приглашение!

– Уйдем сейчас же, пока не вернулся этот маленький мыльный пузырь. – Насмешка у него получилась незлобной, и Фрэнсис удивила подобная сдержанность.

Большинство людей наделяли Лукара гораздо менее изысканными прозвищами.

Роберт откашлялся.

– Не думаю, что тебе стоит сейчас уходить, Фрэнсис, – сказал он.

Слова дались ему с трудом и с таким плохо скрытым раздражением, что все повернулись, удивленно уставившись на него. Фрэнсис все прочитала в выражении его глаз и была возмущена. Он практически приказывал ей остаться, поскольку Лукар изъявил желание побыть в ее обществе.

– Нет, я пойду, – твердо заявила она. – Не каждый день меня приглашает на порцию мороженого достойный человек. Так мы идем? – и Фрэнсис протянула руку Филду.

– Я писал ее портрет, пока она ела мороженое в вафельном рожке, – с легкой усмешкой объяснил художник Роберту. – И мне особенно удались липкие пятна на подбородке. Просто шедевр. Кстати, где эта картина сейчас?

– В спальне Мейрика, – Фрэнсис ответила не задумываясь, а потом добавила с нарочитой непосредственностью, прекрасно понимая, что это покажется Роберту унижением

ее достоинства: – Пойдемте же, наконец!

– Бедная девочка! Она просто умирает с голода, – произнес Филд. – Прекрасно, мой утеночек! Как думаешь, сумеешь потерпеть несколько минут, пока мы будем переходить через дорогу?

И он увлек ее за собой из комнаты. А Роберт так и сидел за столом, положив дрожавшие руки на блокнот для записей.

Вспоминая эту сцену в долгие и страшные дни, которые вскоре последовали, Фрэнсис Айвори часто задавалась вопросом, сколь многое можно было бы изменить, какую беду предотвратить, если бы они тогда не ушли, а остались с Робертом.

Глава 3

Они отправились в кафе «Ройал», где почти не было посетителей, и пока Фрэнсис ела пломбир, которого ей вовсе не хотелось, у нее было время по-новому взглянуть на Филда. В четырнадцать лет она решила, что он почти соответствует строгим требованиям, которые Фрэнсис предъявляла к воображаемому образу идеального мужчины. К тому же Филд был тогда моложе, чем она предполагала, и сейчас до нее дошло, что за семь лет – с двадцати пяти до нынешних тридцати двух – он не слишком изменился. Все та же изящная голова с чувственными, хотя почти аскетическими чертами лица, вступавшими в постоянное противоречие с его выражением, в котором наряду со скукой читались ум и жизненный опыт. В темных волосах еще не было седины, а в руках художника ощущалась сила, хотя они оставались по-мальчишески пухлыми.

– Что там у вас творится? – Он задал вопрос небрежно и потому удивился, заметив, как Фрэнсис избегает его взгляда.

– Что вы имеете в виду? – Она приготовилась занять оборонительную позицию.

– Не хочешь говорить об этом? Хорошо. Извини. Побеседуем о пустяках.

– Почему вы спрашиваете? Вы что-нибудь заметили? – Фрэнсис поняла абсурдность своей фразы, едва произнесла

ее, а он лишь рассмеялся.

– Вот именно, заметил. Либо муж Филлиды, либо этот нахальный рыжеволосый недомерок – кто-то из них ткнул перочинным ножиком в одно из моих лучших произведений. Тебе это может показаться ерундой, но, уверен, твой папа никогда не обошелся бы так с картиной, которую ему поручили продать, если только нравы не слишком переменились, пока я витал в божественных творческих небесах. Может, я ошибаюсь, но у меня складывается впечатление, что у тебя самой тоже возникли какие-то проблемы. Мое дорогое дитя, ты когда-то привязалась ко мне и полностью доверяла. Трогательно. Не надо извинений. Мне нравились подобные отношения. Словно вдруг вернулась молодость со всей ее романтикой, увитой виноградными листьями и прочими замысловатыми атрибутами. Но не следует беспокоиться. Не открывай семейный шкаф с его скелетами, если сама того не желаешь. Но если решишься, то я рядом и в твоем распоряжении, ничего от тебя не таящий, надежный, разумный и респектабельный, а кроме того, всегда готовый посочувствовать и помочь. Что все-таки происходит? Рыжий коротышка получил какой-то инструмент влияния на Роберта?

– Вы подразумеваете шантаж? – Теперь, когда слово было произнесено, оно уже не так пугало Фрэнсис.

– Честно говоря, не знаю, – Филд по-прежнему говорил спокойно, однако выбирал выражения. – Не верю, будто Роберт сам взялся за нож, но, когда один человек так отчаянно

покрывает поступок другого, в голову закрадываются зловещие мысли. Хотя для бизнеса подобные вещи вредны, я, в отличие от многих художников, необычайно терпим ко всему, но сейчас я переполнен негодованием. Понимаешь?

Фрэнсис пристально посмотрела на него. От нее не ускользнула легкая перемена в его тоне, а взгляд застал врасплох. За улыбкой и за безмятежностью в его темных глазах действительно скрывался неподдельный гнев. Но готовый излиться поток извинений Филд сразу оборвал.

– Не нужно этого, милая моя! – заявил он. – Ни ты сама, ни твой старик не имеете ни малейшего отношения к этому. Те двое явно что-то затеяли, и мне хотелось бы выяснить, что именно. Какие еще неприятности приключились?

Рядом с Филдом все становилось просто. Фрэнсис хотела кому-нибудь довериться, и вот теперь нашла идеального слушателя. Она рассказала ему обо всем. Описала инцидент с разбитой вазой Кан-Це в зале антиквариата, упомянула о возмутительном происшествии с особым каталогом, подготовленным исключительно для королевской семьи и от которого осталась лишь кучка пепла за десять минут до прибытия в галерею августейшей персоны, обрисовала обстоятельства отставки неоценимого сотрудника галереи – старого Питерсона, проработавшего в фирме тридцать лет.

История получилась более чем странная. Серия весьма подозрительных событий, каждое из которых чуть более серьезное, чем предыдущее, и нанесших в совокупности ощу-

тимый материальный ущерб. Страх в голосе девушки сочетался с мольбой. Филд внимательно слушал ее.

– Да, ничего хорошего… – вздохнул он. – А если честно, то все это тревожно. И эпизоды не представляются мелкими проказами мальчишки-посыльного, переживающего кризис переходного возраста. Ваза стоила уйму денег, надо полагать? Питерсон был нужным работником, а порча моей картины могла вызвать громкий скандал, если бы я не обладал столь благодушным характером. Что ты собираешься предпринять? Насколько я понимаю, вызвать Мейрика домой немедленно не получится. Ты уверена, что все происшествия дело рук именно Рыжего?

– Да. Я так думаю. – Фрэнсис говорила серьезно, и ее пробрала легкая дрожь, когда вдруг на ум пришла непрошеная мысль.

Филд сразу заметил это. Художник оказался восприимчив к любым реакциям с ее стороны, видимо благодаря его обширному и печально известному опыту общения с женщинами.

– Кто такой этот тип? – спросил Филд. – Откуда он вообще взялся?

Фрэнсис пустилась в объяснения, и на лице художника отразилось прекрасное понимание ситуации.

– Тибетская экспедиция Долли Годольфина? Тайное восхождение через перевал в Гималаях? – уточнил он и продолжил: – Я читал о нем. Чрезвычайно увлекательно. Экспеди-

ция вызвала большой интерес в Штатах. О ней писали во всех газетах. Вернулись только Роберт и Лукар. Вот что может объяснить нам многое. Вероятно, Рыжий спас Роберту жизнь или случилось нечто подобное. Та эскапада была чистейшей воды попыткой совершить спортивное достижение. Многие могли мечтать о таком, но только Годольфину удалось убедить столь осторожного старого дельца, как Мейрик, финансировать его. Роберт отправился как «советник по вопросам искусства», если память мне не изменяет. Держу пари, сам Мейрик выступил с этой идеей. Уверен, он настоял, чтобы Долли взял с собой кого-то способного отличить по-настоящему ценную вещь от простого сувенира. Хотя, если честно, Роберт представлялся мне мало подходящей фигурой для столь сложного путешествия. Странно, правда, что именно кролики неизменно возвращаются оттуда, где тело льва остается гнить под лучами солнца. Ведь сам Годольфин был выдающейся личностью. И, между прочим, ему бы только доставила удовольствие ситуация, в которой сейчас оказалась ты. Вы, конечно же, знали друг друга?

Фрэнсис кивнула.

– Да, я много общалась с ним в свои последние школьные каникулы. Они тогда очень сблизились с Филлидой.

– Вот оно как! – Глаза ее собеседника округлились от удивления. – Для твоей сводной сестры чем больше, тем лучше.

Фрэнсис окинула Филда быстрым взглядом. Значит, в том

была доля правды. Филлида неизменно причисляла художника к списку своих побед над мужчинами, вот только ее воспоминания не заслуживали доверия. Значит, Филд, затем Годольфин, а потом еще дюжина поклонников, и все они влюблялись в Филлиду, которая отвергла их, приписывая им воображаемые недостатки, а в результате вышла замуж за заурядного Роберта. У Фрэнсис уже складывалось впечатление, что чем старше она становилась, тем более непонятной для нее делалась жизнь других людей.

– Роберт выжил, – медленно произнесла она, словно продолжая размышлять вслух. – Остальные погибли, Годольфин сгинул где-то в Тибете, а Роберт выжил. За его внешней нервозностью кроется своеобразная сила характера. Он обладает решительностью, которая может даже пугать. И добивается того, чего хочет, просто упрямо цепляясь за идею, когда другие уже теряют к ней интерес, устают от нее. Именно поэтому я сейчас живу в страхе, как последняя дурочка.

– Ты употребила громкие слова, – заметил Дэвид. – Живешь в страхе? А почему? Прежде я не встречал людей твоего возраста, которые бы признавались в чем-то подобном.

– Роберт хочет выдать меня замуж за Лукара, – призналась Фрэнсис. – Он умеет упрямо двигаться к своей цели. У меня иногда возникает ощущение, что мне придется подчиниться ему.

Филд удивленно вскинул брови:

– Выйти замуж за Рыжего?! Ты ведь не серьезно?! Я бы

не потерпел такого. Это оскорбительное для тебя. Роберт, похоже, совсем рехнулся.

Несвойственная ему горячность подействовала на Фрэнсис успокаивающе, и она улыбнулась.

– Он просто мелкая тварь, – сказала она, и Филд кивнул.

– Однако умеет быть назойливым. Кажется странным, что подобные типы еще существуют. Любого из нас женщины делают покорными себе, но вот такой толстокожий и самовлюбленный гаденыш может годами мельтешить перед тобой, отравляя жизнь. И ничего их не берет. Ты могла бы уехать на юг подальше от всех неприятностей, но это не выход из положения. Да, все складывается скверно, милая моя Фрэнсис. Ты в сложной ситуации.

Фрэнсис снова грустно улыбнулась ему. Находиться в обществе Филда было легко и приятно. Его понимание и дружелюбие, а главное, умение проявить не просто сочувствие, а дать совет опытного человека, создавали от беседы с ним такое же комфортное ощущение, как от поездки в «роллс-ройсе».

– Тебе лучше обручиться с кем-нибудь другим, – заметил он. – Знаю, это теперь считается чем-то старомодным, но имеет свои преимущества. У тебя есть подходящая кандидатура?

Фрэнсис рассмеялась:

– Никого, к кому я могла бы обратиться с подобной просьбой.

– Это должен быть человек, которого ты хорошо знаешь, – серьезно продолжил Филд. – Иначе все может закончиться реальным замужеством. Когда вернется твой отец?

– В январе или в феврале.

– Не скоро. А Филлида, полагаю, все так же мила со всеми и ни во что не вмешивается?

– Да.

– Что ж, предположим, я возьму тебя с собой и прямо сейчас куплю обручальное кольцо. Как тебе такой вариант? Не слишком дорогое, но достаточно ценное, чтобы продемонстрировать серьезность наших отношений. Что скажешь?

Фрэнсис показалось, что художник сам смущен своим предложением. Она же была просто сражена. У Дэвида Филда была своеобразная репутация, которая, впрочем, не основывалась на конкретных фактах. Иными словами, он прославился как светский лев, покоритель женских сердец, но никто не мог назвать имен тех дам, с кем он действительно состоял в любовной связи. За ним не числилось ни браков, ни разводов, ни хотя бы помолвок. Ни одного случая, когда Филд поддерживал бы с представительницей прекрасного пола более или менее длительные отношения.

Он всматривался в лицо Фрэнсис, которое покраснело от обуревавших ее чувств.

– Я не предлагаю тебе выйти за меня замуж и не думаю, что тебе следовало бы делать это, – заявил Филд. – Поясню свою мысль. Даже если мы безумно полюбим друг дру-

га, а ты будешь удивлена, как часто подобное происходит с людьми, между нами всегда останется финансовый барьер. Я щепетилен по поводу денег. У меня приличные заработки. Их вполне достаточно, чтобы содержать нормальную семью. Но несметными богатствами я не обладаю и уже никогда не стану очень богат. Ты же имеешь в своем распоряжении невероятное состояние. И именно это исключает брак между нами. И не надо так смотреть на меня, дитя мое! Наверное, мне следует сожалеть, что я такой, но у меня развилось нечто вроде фобии. Однажды меня обвинили в охоте за крупным приданым, и я тогда чуть не убил престарелую женщину, бросившую мне это обвинение. У меня как раз оказалась в руке индийская булава, и я даже поднял ее над головой. К счастью, я не нанес удара, хотя был готов сделать это. Чувствовал желание ударить. Никогда в жизни больше не переживал такого страха. Клянусь, еще немного, и я совершил бы убийство!

Филд с облегчением откинулся на спинку кресла, и Фрэнсис осознала, что он не шутит. Она заметила в его глазах не только обычную решительность, но и испуг от откровенных слов.

– Женитьба исключена, – продолжил Филд, – если только ты не найдешь способа пожертвовать огромную сумму из своих средств на нужды какой-нибудь больницы или другого медицинского учреждения, чего я бы на твоем месте не делал. Кто знает, может, мы с тобой не сумеем ужиться. Одна-

ко шутки в сторону! Я не вернусь в Нью-Йорк до апреля, а потому если хочешь получить обручальное кольцо, то давай пойдем и купим его.

Фрэнсис молчала. Она до сих пор не была уверена в серьезности его намерений. Предложенный им вариант казался безумным, но имел и свои привлекательные стороны. Дэвид Филд с улыбкой смотрел на нее, и на мгновение она подумала, уж не насмехается ли он над ней. На самом же деле Филд просто разглядывал ее с хладнокровным интересом профессионального живописца. Ему бросилось в глаза, насколько более четкие очертания приобрело ее прекрасное лицо с тех пор, как он писал его пять лет назад, и порадовался ярко выраженной теперь верхней линии ее миндалевидных глаз, которая привела его тогда в невероятный восторг. Фрэнсис стала очаровательной, но, подумал он, в ее красоте присутствовало не только то, что французы называют beauté du diable[1]. Когда Фрэнсис Айвори состарится, как Габриэлла, в ее лице будет читаться та же сила воли и благородство породы, а широкий рот станет, как и прежде, свидетельствовать о сильном характере и чувственности.

– Ну, так что же? – спросил Дэвид.

– Конечно, это уладит одну из моих проблем до возвращения Мейрика, но меня пугает столь неприкрытый обман.

Ее слова прозвучали двусмысленно, и Фрэнсис удивилась, когда Филд расценил их как согласие.

---

[1] Очарование молодости *(фр.). – Здесь и далее примеч. пер.*

– Все для моей первой клиентки! – весело заявил он. – Значит, договорились. Купим кольцо, отправим уведомление в газеты и оповестим членов семьи. И пусть Рыжий обкусает себе все ногти, а Роберту придется оставить попытки побыть сводней. Так мы выйдем, по крайней мере, из одного неловкого положения. А когда настанет время, ты сможешь променять меня на другого мужчину, или же мы вдрызг рассоримся с тобой по поводу, например, балета, что станет самым утонченным предметом для крупной размолвки. А пока твердо держись своей истории. Это очень важно.

Фрэнсис спросила после паузы:

– А вы никого не сделаете несчастной своим поступком? Какую-то другую женщину?

– Я? Разумеется, нет! Я свободен, ни с кем не связан, никем не любим. – Дэвид рассмеялся. – Ты единственная, кому я оказываю великую честь, доверяя свою вольную жизнь. Надеюсь, ты понимаешь и ценишь это! Я ни разу не был помолвлен. Старый холостяк может вести себя ужасающе грубо и всегда бежит из-под венца в самый последний момент. Ни одному объекту моего восхищения так и не удалось подцепить меня на крючок.

– Почему? Всегда причиной являлись деньги?

Он нахмурился.

– Что? А, да, деньги. Хотя и многое другое тоже. Пойдем! К твоим глазам очень подойдет кольцо с аквамарином.

Выйдя на улицу, оба уже весело смеялись. Разыгравший-

ся ветер задувал в рукава и бросал им в лица казавшиеся теплыми и мягкими капли дождя, словно отчаянно стремясь привлечь к себе их внимание. Позднее оба вспоминали об этом. Когда на ум приходил каждый эпизод того судьбоносного дня, мотив порывистого ветра неизменно звучал тревожным сигналом, но в тот момент Фрэнсис и Филд оставались глухи к нему и шли предначертанным провидением путем, ни о чем не подозревая.

Глава 4

– Где они сейчас? В зимнем саду? Фрэнсис, как ты могла сделать нечто подобное? Как только осмелилась?

Филлида Мадригал лежала на кушетке среди кружевных подушек и рыдала, глядя на огонь в камине.

– Для меня это стресс. Невыносимый стресс, – шептала она. – Самый слабый звук доставляет мне приступ боли по всему телу. Мало мне пришлось испытать унижения от невероятной сцены с Габриэллой, так и тебе нужно было ворваться в дом, чтобы устроить еще одну с Робертом и Дэвидом Филдом!

Фрэнсис стояла перед камином, в комнате со стенами, обшитыми белыми панелями. «Насколько типично для Филлиды вести себя так после ссоры, не имевшей к ней никакого отношения», – подумала она.

– Я понятия не имела, что бабушка приехала сюда, не говоря уже о том, что она до сих пор здесь, – сказала Фрэнсис, вращая на пальце новое кольцо. – Мне и в голову не приходило ожидать приезда Габриэллы, которая к тому же устроит ссору с Робертом. Она уже совсем одряхлела и вряд ли поняла хоть что-то из того, о чем я с ней говорила сегодня днем.

– Она все прекрасно поняла! – От злости Филлида Мадригал забыла про слезы. – До сих пор сильна, как лошадь, и упряма, как ослица. Боже, до чего же мне хотелось бы об-

ладать ее силой! Стоило ей войти сюда, держась за руку старой Доротеи, как она словно завладела всем домом. Роберт выжил из ума, нагрубив ей. Чистейшее тупоумие с его стороны. Я стояла там, и сердце вырывалось из груди, а это значит, что завтра слягу. Габриэлла выслушала его, позволила выплеснуть свою злобу, говорить с собой в самых непростительных выражениях, а потом спокойно села и велела Доротее подготовить для нее спальню Мейрика. Ясное дело, это вызвало протест у Роберта. Я и сама возмутилась. Какое она имеет право ночевать там? Разве разумно так поступать? Но Габриэлла даже в споры вступать не пожелала. Заявила, что та комната принадлежала ей целых тридцать лет, а потому именно в ней она ляжет сегодня спать. Нам сказать-то было нечего. Я думала, Роберта удар хватит. Наконец Доротея проводила ее наверх. На Роберта Габриэлла вообще никак не реагировала. Просто смотрела сквозь него. Зато хорошо слышала его слова. Она опасна, Фрэнсис. Жесткая, эгоистичная, гордая старуха. И она в нашем доме. Это твоя вина. А сейчас тебе не кажется, что ты должна спуститься вниз?

Филлида села на кровати. Мягкое освещение щадило ее внешность, сглаживая капризные морщины в уголках рта, делая темнее тени под глазами, отливая цветом меди в ее гладко зачесанных волосах.

– Спускайся вниз к тем двоим, Фрэнсис!

– Зачем? Роберт дал понять, что хочет поговорить с Дэвидом наедине. И он выразился недвусмысленно.

Филлида встала и прошлась по комнате, ее кружевная накидка волочилась за ней по темному ковру.

– Фрэнсис, – внезапно произнесла она с такой мощью в голосе, что та вздрогнула. – Тебе никогда не казалось, что Роберт сошел с ума?

Вопрос прозвучал ошеломляюще, поскольку исходил от Филлиды и касался душевного здоровья кого-то, помимо ее самой. А в темноте спальни с тускло мерцавшими в камине углями и с завывавшим за стенами дома ветром его прямота холодом ударила Фрэнсис в грудь.

– Что заставляет тебя об этом спрашивать?

– Ничего конкретного. Я изнервничалась. Больна. Напугана. Ненавижу этот невыносимый дом. Я ведь замужем за Робертом два года, Фрэнсис. Он всегда отличался странным и сложным характером, а в последнее время все стало еще хуже. Он следит за мной, за тобой. Не разговаривает ни с кем, кроме Лукара. И вбил себе в голову, будто ты должна выйти замуж за Лукара.

– В таком случае, дорогая, боюсь, его ждет разочарование.

Филлида хранила молчание несколько минут, а когда наконец открыла рот, ее фраза оказалась совершенно неожиданной:

– Ты знала, что Дэвид Филд однажды вдрызг разругался с Габриэллой из-за меня? Разумеется, это случилось несколько лет назад, задолго до того, как он стал знаменитым. – Она рассмеялась и продолжила: – Ах, и зачем только я вышла

замуж за Роберта? Почему, как ты думаешь, из них всех я предпочла Роберта? Я была втайне от всех обручена с Долли Годольфином, когда они отправились в ту свою мерзкую экспедицию. Вскоре бедняга Долли пропал, а мне с моим разбитым сердцем подвернулся под руку Роберт. Я тогда буквально рехнулась. Фрэнсис, выбирай будущего мужа с большой осторожностью!

Филлида вернулась на кушетку, повалившись на нее всем телом, и начала плакать так тихо, что Фрэнсис не слышала ни звука. Она смотрела на угли в камине. Значит, это Филда Габриэлла назвала охотником за приданым, вызвав в нем дьявольские чувства и намерения. Очень похоже на него – не поделиться такой важной подробностью.

Течение ее мыслей нарушил сдавленный голос Филлиды с тем же настойчивым требованием:

– Ради бога, спустись к ним! Что они делают там одни так долго? Оба обладают необузданными темпераментами. Спустись и проверь.

– Да, наверно, так будет лучше, – отозвалась Фрэнсис, тяжело вздохнув.

За дверью она столкнулась с Доротеей, престарелой горничной Габриэллы. Низкорослая толстушка побледнела от волнения и поспешила ухватиться за руку Фрэнсис.

– Ничего не могу с ней поделать, – сказала она тем больничным шепотом, каким неизменно пользовалась, если приходилось разговаривать о хозяйке. – Не хочет лечь в постель

и принять капли. Сидит в кресле, разглядывает комнату и все вспоминает покойного хозяина и мистера Мейрика. Он не должен был говорить ей такое. Она не потерпела бы этого от ровни себе, а от него и подавно. Она гневается, вот в чем дело. Я видела ее такой рассерженной всего два раза в жизни. Сначала, когда первая жена мистера Мейрика, мать Филлиды, сбежала и бросила его, а потом был еще случай. Она крепко поругалась с одним молодым человеком, явившимся к нам в дом. Она в гневе тоже очень стара и мрачна. Я даже подумала, не послать ли за доктором.

– Не вижу, чем доктор мог бы ей помочь, – возразила Фрэнсис. – Боюсь, во всем виновата я, Доротея. Мне жаль.

Пожилая служанка посмотрела на нее оценивающе, с тем здравомыслием во взоре, которое свойственно людям ее круга.

– Что верно, то верно, ничего хорошего из этого не получилось, мисс, – заметила она. – Я немного подожду, а потом снова проведаю ее. Скоро спущусь вниз за горячим молоком. Может, она хоть выпьет его и ляжет спать. Очень уж он расстроил ее. Кто-то должен сделать ему выговор, вправить мозги. Он мог просто убить ее. Меня бесят такие нервные мужчины. Что-то в этом доме пошло вкривь и вкось. Уж я-то это поняла, не знаю, как вы. Нечто плохое творится.

Доротея поковыляла дальше по коридору – коренастая старуха, которой помешали выполнять привычные обязанности, что вызвало у нее недовольство. Фрэнсис начала спус-

каться по лестнице. Дом погрузился в тишину и в темноту.

Зимний сад располагался в самом конце коридора, где рядом находились две двери: одна непосредственно в сад, а вторая – на площадку железной лестницы, которая вела на вымощенный брусчаткой двор. Единственный кусочек пышного розария восемнадцатого века, оставленный наступавшим со всех сторон Лондоном.

При входе в коридор Фрэнсис в нерешительности остановилась. К ней поспешно приближался какой-то мужчина. К своему удивлению, она узнала Лукара. Ее так поразило присутствие этого человека в доме в столь поздний час, что она замерла, пока он не подошел к ней вплотную. Фрэнсис сразу заметила происшедшую в нем перемену. Его трясло от ярости, лицо покраснело, и белые пятна проступали на нем лишь там, где напряженно натянувшиеся лицевые мышцы разогнали кровь. Но при этом он улыбался. Лукар ничего не говорил, просто стоял и смотрел на Фрэнсис. Тогда она попыталась пройти мимо, пробормотав какую-то ничего не значащую фразу. Однако он резко вытянул руку, ухватил ее за локоть и заставил снова развернуться к себе. Фрэнсис удивила та сила, которую он вложил в это действие. Ей всегда представлялось, что если этот человек мал ростом, то и физически слаб, но хватка Лукара оказалась на редкость мощной, парализующей, заставившей ее потерять равновесие и покачнуться. Лукар приподнял ее руку и разглядел на ней кольцо. Он оттолкнул Фрэнсис от себя и быстро удалился в

темноту портика при входе в дом.

Девушка пыталась успокоиться, с огорчением отметив, что вся дрожит. Придя в себя, она пошла дальше по коридору, хотя и ощущая слабость в коленях. Перед дверью зимнего сада она остановилась. Внутри царила зловещая тишина. Фрэнсис хотела войти, но передумала. Отругав себя за нерешительность, повернулась к другой двери и вышла на металлическую лестницу. Двор внизу напоминал темный колодец. Здесь ветер, весь день свободно гулявший по улицам города, словно угодил в тюрьму и метался, напоминая живое существо, пытающееся вырваться из застенка. Ветер раздувал юбку Фрэнсис, заставлял волосы падать на глаза, поймав ее в самый центр вихря.

Она неслышно спустилась по лестнице и сделала пару шагов по камням бывшего сада. Смутные очертания предметов окружали ее, чуть заметные при скудном свете луны, пробивавшемся сюда сквозь пелену стремительно мчавшихся по небу облаков. Контейнер с одной из покупок Мейрика, прибывший из Китая, стоял позади Фрэнсис, напоминая в темноте пушечный лафет, а еще дальше располагался небольшой сарай, где хранились доски для изготовления ящиков для нужд галереи. Она посмотрела вверх на громаду дома. Все окна, кроме одного, были погружены во тьму. Портьеры в зимнем саду оставались раздвинутыми, и Фрэнсис заметила Дэвида. Он стоял позади стола, опершись на него и глядя вниз. Вся сцена носила почти нереальный характер, точно

происходила на театральных подмостках. Он ничего не говорил, но, вероятно, мог кого-то слушать или просто смотреть на стол ничего не видящим взором.

Именно необычная пустота в выражении его глаз сразу испугала девушку, настолько несвойственной она казалась. Обычной вальяжной улыбки Дэвида будто никогда не существовало, взгляд был жестким. Мгновения тянулись невыносимо долго, и когда Фрэнсис уже набралась храбрости, чтобы войти в комнату, раздался звук. Едва слышное шевеление, тихое шуршание, к которому ветер не мог иметь никакого отношения, донеслось у нее из-за спины. Узкая полоса света из окна пересекала двор и падала на дверь сарая, разрезая ее пополам и освещая засов. Фрэнсис резко повернулась и могла бы поклясться, что заметила, как дверная ручка повернулась, а дверь с легким скрипом закрылась.

Неожиданно ее охватил ужас, и девушка побежала вверх по железным ступеням. Миновала коридор, пересекла вестибюль, поднялась по главной лестнице дома и не замедляла шага, пока не оказалась на верхней площадке, а потом в своей комнате. Она все еще сидела на краю стула рядом с туалетным столиком, стараясь успокоиться и прогнать страх, заставивший ее почти обезуметь, когда Дэвид постучал и просунул голову в дверь.

– Слава богу, я не ошибся комнатой, – сказал он, подходя к Фрэнсис. – Что ж, дорогая моя, мы по-прежнему помолвлены.

Эти слова должны были приободрить ее, но произнес он их с такой необычайной резкостью, что она вздрогнула.

– В чем дело? Что произошло?

– Ничего, – Дэвид слишком поторопился с ответом, а потому рассмеялся, чтобы скрыть неловкость. – Мне просто захотелось увидеться с тобой перед уходом и сообщить, что все в порядке, вопреки невыносимым манерам Роберта. Между прочим, он собрался на прогулку. Не самая плохая идея. Ночной воздух немного охладит его темперамент.

– Что он сказал?

Дэвид старался не встречаться взглядом с Фрэнсис и смотрел куда-то поверх ее головы, на слегка покачивавшиеся портьеры.

– Примерно то, что ты ожидала бы услышать от него, – наконец ответил он. – Забудь обо всем. Главное – мы обручены. Спокойной ночи.

Она подумала, что Дэвид сейчас поцелует ее, но он лишь прикоснулся к ее руке и вышел, закрыв за собой дверь. Поддавшись внезапному импульсу, Фрэнсис последовала за ним на верхнюю лестничную площадку. В почти полной темноте и тишине она осторожно пробралась вперед и перегнулась через перила балюстрады. Холл внизу представлялся отсюда черной ямой, а потому звук закрывшейся входной двери заставил ее вздрогнуть. Она подождала, но так и не увидела ни проблеска света, не услышала нового хлопка двери, как если бы наружу выходил слуга, и решила, что из дома в тот

момент вышел именно Дэвид.

С его уходом Фрэнсис вдруг ощутила себя в полной растерянности. Знакомый дом, бывший ей родным на протяжении всей жизни, неожиданно представился не просто опустевшим, но даже враждебным. Дверь спальни Филлиды была закрыта, и под ней не просматривалось даже узкой полоски света. Точно так же никаких признаков жизни не доносилось из комнаты Мейрика, где престарелая Габриэлла лежала, наверное, на антикварной итальянской кровати, окруженная гобеленами. Повсюду царили тишина и темнота, казавшиеся сейчас угрожающими.

Пока Фрэнсис стояла у перил, что-то произошло. Кто-то быстро прошел через коридор со стороны зимнего сада, легкими и поспешными шагами пересек холл и покинул дом, с силой захлопнув дверь. Она не смогла разглядеть, кто это был. Во мраке не промелькнуло даже тени. Зато звуки доносились столь ясно и отчетливо, что могли бы успокоить нервы после всех прежних смутных шорохов и скрипов, но для Фрэнсис, опиравшейся на перила лестницы, даже это послужило причиной сильного испуга, и она чуть не вскрикнула. Вернувшись в ярко освещенную спальню, Фрэнсис осознала, насколько прочно звуки запали в ее память, вызвав ощущения, которые позднее она могла воспринимать не иначе, как пророческие.

– Это Роберт отправился на прогулку, – громко сказала она себе, глядя в зеркало. – Роберт вышел из дома, дурочка,

только и всего.

Но собственный голос не казался ей убедительным, а лицо в зеркале было бледным и испуганным.

И все же, когда утром Норрис, дворецкий Мейрика, объявил сдержанным тоном, который приберегал для самых важных сообщений, что мистера Роберта не было дома всю ночь, причем его плащ и шляпа отсутствовали на вешалке, а потом робко поинтересовался, не следует ли переслать пришедшие ему письма на адрес клуба, никто особенно не встревожился.

Сначала присутствующие испытали облегчение: Фрэнсис, Филлида и особенно Габриэлла, царствовавшая теперь единолично, не вставая с окруженной гобеленами постели. Страх возник позднее, когда выяснилось, что Роберт не нашел себе приют и развлечений в клубе на Джермин-стрит. Затем он только усилился и постепенно перерос в нечто близкое к ужасу: справки, наведенные в Блю-Бриджесе, где находилось сельское семейное поместье, не принесли о Роберте никаких новостей; а слуга, отвечавший за содержание парижской квартиры, в ответ на запрос прислал телеграмму, что мсье там не появлялся.

Страх усугублялся потоком писем, адресованных Фрэнсис, поступивших после объявления о ее помолвке, и вопросы, которые начали задавать немногочисленные друзья Роберта. Еще больше страха вызвали буквально сотни обращений от сотрудников фирмы, в каждом из которых содержа-

лось требование, чтобы Роберт срочно принял то или иное решение относительно ведения бизнеса.

Пугали и мрачный вид Лукара, и истерики Филлиды, и озабоченное выражение в глазах Дэвида.

А однажды утром, через семь дней после исчезновения Роберта, произошли сразу два события. Первым из них стала новость из отдаленной северо-западной провинции Индии, и ее подхватили газеты всего мира. Заголовки появились на рекламных досках продавцов вечерних изданий, как только доставили экземпляры первых тиражей и кипами сложили на тротуарах. Филлида без труда смогла прочитать их прямо из окна своей спальни, выходившего как раз в сторону площади, к ограждению которой прислонили щиты газетные торговцы.

ГОДОЛЬФИН СПАСЕН.
ЗНАМЕНИТЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК
СУМЕЛ СОВЕРШИТЬ ПОБЕГ
С ЗАПРЕТНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Она стояла и не сводила глаз с этих крупных букв, слишком потрясенная, чтобы открыть окно и окликнуть мальчишку, разносившего газеты. Тут произошло второе событие. Оно заставило всех забыть о первом, привлекло внимание всего города к дому на Саллет-сквер и вынудило Мейрика примчаться из Китая с максимальной быстротой, на кото-

рую были способны сначала поезд, а потом самолет.

В этот раз Фрэнсис вошла в комнату сводной сестры без церемоний. Она старалась держаться спокойно и хладнокровно, но ей это плохо удавалось.

– Филлида, – произнесла Фрэнсис, – произошло нечто, о чем тебе необходимо знать. Только сначала соберись, милая. Тебе потребуется вся твоя храбрость. В общем, прояви здравый смысл.

Филлида повернулась к ней:

– Нашли Роберта?

– Да. Значит, тебе уже все известно?

– Мне? Нет, конечно. Где же он? Неужели что-нибудь натворил?

– Дорогая моя! – Голос Фрэнсис дрожал и звучал хрипло. – Я так сожалею обо всем. Я не это имела в виду. Не понимаю, о чем я только думала. Он… все это время был в зимнем саду. Шляпу и плащ обнаружили там же, лежавшими поверх него. Тот шкаф вообще никогда не открывали. В нем не хранилось ничего существенного. Но только что там нашли Роберта. Меня вызвал Норрис.

Филлида медленно пересекла комнату и приблизилась к Фрэнсис. На мгновение могло показаться, что она полностью контролировала свои эмоции. Филлида положила руку на плечо сводной сестры и слегка встряхнула ее:

– Уж не хочешь ли ты мне сказать, что Роберт мертв?

Фрэнсис встретилась с ней взглядом и кивнула.

Рука Филлиды мягко опустилась. Ее лицо оставалось совершенно спокойным, а слова прозвучали без какой-либо особенной интонации, как обычно.

– Слава богу, – промолвила она.

Глава 5

– На вашем месте я бы не стал заходить туда, леди. – Непривычная резкость в голосе дворецкого, как и его растерянный вид, более всяких слов придавали свершившемуся факту особо зловещий смысл.

Фрэнсис ощутила, как в ее ладони дрогнула рука Филлиды, когда они остановились в коридоре перед дверью зимнего сада, поскольку дворецкий неожиданно преградил им путь.

– Я бы не стал входить внутрь, – упрямо повторил Норрис, а потом добавил: – Он ведь… Понимаете, он лежит там, как и лежал все время. А мы не должны ничего трогать до приезда полиции.

Филлида покачала головой. Движение получилось яростным и бессмысленным в столь кошмарный момент, когда все, казалось, происходило неестественно медленно. Каждый прекрасно знакомый объект, включая дверной проем, бледное лицо Норриса, его широкий белый воротничок, казалось, приобрели черную обводку, какую часто видишь тщательно прорисованной в книжках комиксов для детей.

– Нет, – возразила Филлида. – Не надо нам мешать. Отойди в сторону, Норрис.

Яркий солнечный свет, проникавший в зимний сад утром, неизменно удивлял и слепил каждого, кто входил из сумра-

ка холла и коридора, но сегодня сияние сделалось просто безжалостным. Сквозь широко открытое окно солнце заливало помещение с энергией живого существа. Оно светило на старое, покрытое зеленой кожей кресло, выделяя на нем каждую царапину, любое самое мелкое повреждение обивки. Оно разыскало пятно пыли на красном дереве антикварного книжного шкафа с застекленными полками, указывая на него как на образец преступной неаккуратности. И без всякого уважения к покойному солнце посылало лучи в глубокий проем за распахнутыми дверями в стене, освещая находившийся там жуткий предмет, почти что вещь, но только имевшую голову со странными, будто бы покрытыми слоем пыли волосами.

Роберт Мадригал умер, окоченел, а потом его труп размягчился. Он сидел в неестественной позе в самом низу встроенного в стену шкафа. Спина упиралась в кирпичную кладку, ноги были согнуты в коленях. На коленях лежали плащ и пара желтых перчаток, а довершала страшную картину перевернутая шляпа-котелок.

Фрэнсис подхватила Филлиду, когда та покачнулась, Норрис удержал от падения обеих.

– Я же просил вас не входить сюда. Просил же, – твердил он почти сердито, обращаясь к Фрэнсис, пока они вместе выносили Филлиду в коридор. – Я вызвал полицию и врача. Позаботьтесь о ней, мисс. Я ведь не могу отойти от него, верно?

Их не поразила абсурдность последней фразы, хотя она не

имела никакого смысла, поскольку Роберт Мадригал пробыл здесь совершенно один несколько дней, а мог пробыть еще целую вечность.

Старая Доротея возникла подобно обитательнице какого-то иного, более счастливого мира. Она прошла вразвалочку по коридору из холла, где собралась остальная прислуга, и положила все еще сильные руки опытной сиделки под локти Филлиды.

– Пойдемте со мной, дорогая. Пойдемте, красавица вы моя. Пойдемте, смелая вы девушка, – повторяла она, сливая фразы в одну до тех пор, когда слова утратили свое значение и превратились в протяжный утешающий звук. – И вы тоже, мисс Фрэнсис, – добавила Доротея с тщательно замаскированной язвительностью. – Как это вам в голову взбрело привести ее сюда, когда она и без того слаба здоровьем. Пойдемте, дорогая. Пойдемте, красавица моя, пойдемте, смелая вы девушка. Вот, сделаем шажок. Теперь другой. Пойдемте.

Она обладала той же энергетикой, как и само солнце, а ее вроде бы неуклюжее тело двигалось с потрясающей точностью и ловкостью, с какой небольшая ломовая лошадь преодолевает подъем холма. Фрэнсис семенила рядом, поддерживая Филлиду за талию.

Итальянская кровать в комнате Мейрика была поистине внушительной конструкцией. Позолоченные опоры балдахина в стиле барокко поднимались почти под потолок, а два раздвижных полога висели по обеим сторонам как знамена.

Яркая вышивка гобеленов нисколько не поблекла с годами, а потому Матфей, Марк, Лука и Иоанн продолжали благословлять ложе, сверкая все теми же живыми синими, золотыми и красными нитями.

Сейчас Габриэлла сидела в постели, закутавшись в шетландские кружева, отстраненная от всего и недоступная, сморщенный и пожелтевший обломок уже почти утраченной властности. Видимо, поэтому Доротея завела своих подопечных в комнату без всяких церемоний. Осторожно посадила Филлиду в кресло у хорошо растопленного камина и принялась решительно массировать ей руки. Яркие черные глаза Габриэллы какое-то время рассматривали двух женщин, пока ее губы не сложились в подобие презрительной усмешки. Потом она принюхалась к чему-то, похожая на крошечного зверька, и поманила к себе Фрэнсис крючковатым пальцем, высунувшимся из-под кружев.

– Полицейские уже здесь? – Старческий голос оказался звучным, хотя она и пыталась приглушить его.

– Нет, моя дорогая.

– А доктор?

– Его тоже пока нет.

– Дворецкий знает, отчего наступила смерть?

– Вряд ли. Лично мне это не известно.

– Отправляйся, все выясни, а затем вернись и расскажи мне. Поторопись, дитя мое, поторопись.

Выглядело почти чудом, как несчастье вдохнуло новую

жизнь в это одряхлевшее создание, будто раздув пламя из угасающих углей. Габриэлла снова взяла власть в свои руки, хотя уже дрожавшие и не столь уверенные, как прежде. Фрэнсис покинула спальню.

Около лестницы она задержалась. В холле звучал непрерывный многоголосый шепот. Ощутив внезапный приступ чувства вины, Фрэнсис отступила назад и укрылась за балюстрадой. У нее заныло сердце, когда она разглядела группу людей внизу. В вестибюле собралась целая толпа. Георгианская элегантность дома 38 на Саллет-сквер была теперь во власти полиции.

Норрис развил бурную деятельность. Он перешептывался с полицейским инспектором и с еще одним мужчиной в модном твидовом костюме, высокорослым хмурым незнакомцем, который держал седеющую голову склоненной набок, до странности напоминая этим повадку терьера. Под лестницей нервно расхаживала одна из горничных, а за ее спиной виднелась приоткрытая дверь в служебный коридор. Со своего удобного наблюдательного поста Фрэнсис заметила, что за дверью прячется и подслушивает разговоры их экономка.

Сцена в целом носила комичный характер, сверху все представлялось слишком широким и словно немного приплюснутым, как на одной из абсурдных карикатур, но в то же время пугающе реалистичным.

Пока Фрэнсис стояла, глядя вниз, по керамическим плиткам раздался топот. Прибыли полицейские фотографы. Их

быстрые и уверенные шаги всколыхнули что-то в ее памяти, и она крепче вцепилась в полированное дерево перил.

Совсем недавно она так же прижималась к той же балюстраде, вглядываясь в сероватую тьму внизу, и тоже слышала поспешные шаги человека, пересекавшего холл. Тогда этот звук должен был только приободрить ее, и она вспомнила, к какому заключению пришла: «Это Роберт отправился на прогулку. Роберт вышел из дома, дурочка, только и всего». Роберт вышел из дома? Роберт вышел из дома! Если принять во внимание жуткую утреннюю находку, само подобное предположение казалось теперь вздорным. Роберт не покидал дома в ту ночь. Роберт – бедный, легковозбудимый, неудачливый – так и остался в зимнем саду. Неделю назад, когда она стояла здесь и вслушивалась в звуки снизу, Роберт, возможно, уже сидел в огромном стенном шкафу с поникшей головой и с нелепо скрюченными ногами.

Кто-то другой покинул дом, вышел в продуваемую ветром темноту, и крупные капли дождя хлестали его, заставляя плотнее укутываться в свой плащ. Кто-то другой… Но кто?

С появлением нового персонажа в холле снова возникло оживление. Присутствующие повернулись в сторону человека, медленно вошедшего со стороны портика над крыльцом. Фрэнсис вздрогнула, узнав его.

Она навсегда запомнила Дэвида таким, как он выглядел в тот момент. Но не потому, что не осознавала прежде, насколько глубоко влюблена в него. И не оттого, что его по-

явление показалось ей имевшим некое особое эмоциональное значение. Просто он мгновенно запечатлелся в ее памяти – живой и целостный портрет, который уже никогда не померкнет в ее сознании.

Дэвид Филд тихо вошел в вестибюль, как всегда простой и дружелюбный, немного сутулясь из-за высокого роста. Огляделся вокруг со слегка удивленным выражением лица, придававшим ему дополнительное обаяние, а потом внезапно посмотрел вверх, будто знал наверняка, где искать Фрэнсис, и поднял руку в приветственном жесте.

И сразу все взгляды устремились на нее, а она поспешила спуститься вниз, сознавая, насколько бледна, испугана и деморализована от только что посетившей ее жутковатой мысли. Норрис что-то сказал мужчине с сединой в волосах, и тот шагнул ей навстречу. Фрэнсис понятия не имела, кто он такой, и даже после того, как мужчина представился, его имя и высокое звание старшего детектива-инспектора не произвели на нее впечатления. Зато она сразу распознала властность в его лице и прямоту и честность в маленьких наблюдательных глазах. Черты, которые неизменно сочетаются в людях его профессии с жестокостью, а потому производят на собеседников устрашающий эффект.

– Вам лучше вернуться наверх и подождать немного, мисс Айвори, – он говорил с еле заметным шотландским акцентом.

Ее мнения он не спрашивал, а попросту отдал распоряже-

ние, вежливое, но подлежавшее обязательному исполнению. Фрэнсис кивнула и посмотрела на Дэвида Филда.

– Вы мистер Филд, не так ли? – обратился полицейский к художнику. – Одну минуточку, мистер Филд. Мне необходимо побеседовать с вами.

Фрэнсис увидела, как удивленно взлетели вверх брови Дэвида, и заметила легкую улыбку, осветившую его лицо, прежде чем он повернулся к ней и состроил забавную гримасу. Это стало своевременным и ободряющим поступком с его стороны, демонстрацией понимания ее ошеломленного состояния. Фрэнсис мысленно поблагодарила его, однако стоило ей отвернуться от Дэвида, как на нее нахлынула волна новых и самых страшных подозрений.

– Я слышала, как он выходил из дома в тот вечер, – с горячностью говорила она Габриэлле через несколько минут, снова стоя около ее постели. – Лично для меня все ясно. Дэвид тогда первым покинул дом. Я слышала щелчок замка, как только оказалась на верхней площадке лестницы. И лишь минут через десять кто-то другой быстро прошел из коридора со стороны зимнего сада, а затем тоже вышел через парадную дверь.

– Да, – отозвалась Габриэлла, – вот только подобные звуки обманчивы в ночном мраке.

Они были вдвоем в огромной спальне – самая юная и самая старая представительницы семейства Айвори. Долгое время обе оценивающе разглядывали друг друга. Лишь че-

рез много лет Фрэнсис осознала, что в тот момент окончательно повзрослела.

Она отошла от кровати и встала рядом с камином. Зеленое шерстяное платье, прекрасно скроенное, как это умеют делать портные на юге Англии, обтягивало ее стройные бедра и плечи. Старуха, расположившаяся среди подушек, продолжала наблюдать за ней, и выражение глаз выдавало ее чисто женский взгляд на внучку.

– В двадцать пять лет у меня талия тоже не превышала девятнадцати дюймов, – неожиданно произнесла она.

Впервые за многие годы Фрэнсис угадала, о чем на самом деле думает бабушка.

– В любом случае это моя жизнь, – сказала она. – Я знаю, что делаю. Вы ошибаетесь, если считаете, будто Дэвид хочет получить мои деньги. Он ведь даже жениться на мне не собирается. Наша помолвка – не более чем глупый трюк, чтобы все упростить. Я рассказала ему об известной вам проблеме с Лукаром.

Габриэлла бросила еще один взгляд на изящную спину Фрэнсис, быстрый укол маленьких черных глаз. Ее муж, отец Мейрика, горячо любивший жену, но с трудом уживавшийся с ней, несомненно, различил бы в ее взгляде доброжелательность и мог бы порадоваться за внучку.

– Значит, ты услышала щелчок замка, а потом вскоре кто-то еще пересек холл и вышел из дома?

Вопрос прозвучал ясно, четко и продуманно. На время Га-

бриэлла вернулась из своего смутного, затуманенного возрастом мирка, и ее голос обрел свойственную ему прежде решительность.

– Да, как я вам и говорила. Кстати, бабушка, Лукар в ту ночь задержался в нашем доме. Я видела его. Натолкнулась на него, спускаясь в зимний сад.

– А когда именно и зачем ты туда ходила?

И снова вопрос был задан спокойно, но с предельной ясностью, заставившей Фрэнсис резко развернуться на месте, причем ее лицо, шея и даже кожа у висков заметно покраснели. Она поспешила поделиться своей историей:

– Я направилась вниз, чтобы узнать, как складывается разговор между Дэвидом и Робертом. Лукара я встретила, когда он уже шел из сада, но я с ним не обмолвилась ни словом. Он выглядел злым и раздраженным. Я дошла до конца коридора. Дверь оказалась закрытой, а мне не хотелось вторгаться туда, и… я спустилась во внутренний двор.

– И стала подсматривать в окно? – неожиданно спросила Габриэлла. Она постаралась сесть повыше, и в ее глазах мелькнуло любопытство. – Разумно. Именно так поступила бы я сама. Что же ты увидела?

Фрэнсис посмотрела на нее, прежде чем ответить с нарочитой небрежностью:

– Они просто беседовали.

– Ты видела их обоих?

– Да.

– Ты влюблена?

– Нет… Впрочем, не знаю.

Габриэлла откинулась на подушки, лицо было умиротворенным, она даже улыбалась. Фрэнсис же испытала легкую тревогу за нее. Может, возбуждение оказалось непосильным для старухи, поскольку та надолго замолчала, но, когда заговорила снова, стало понятно, что ход ее мыслей ни на мгновение не прерывался.

– Говорят, женитьба по любви приносит одни несчастья, – заметила она. – От кого-то я услышала такую сентенцию. Но это не светская острота. Думаю, скорее поговорка. Но вполне верная. Ты виделась с Филдом снова тем вечером?

– Да. Он поднялся ко мне в комнату и сообщил, что мы все еще помолвлены и что Роберт собрался на прогулку.

– Он явился в твою спальню?

– Именно так, дорогая моя.

Старая Габриэлла передернула тощими плечами, а ее рот, столь часто приобретавший жесткое выражение, неприязненно скривился.

– Словно к какой-то служанке.

Фрэнсис бросила на нее хмурый взгляд и тоже пожала плечами. Это напоминало борьбу двух характеров, но происходившую в разных столетиях. Огонь в камине на мгновение ярко вспыхнул, а потом горсть серой золы просыпалась сквозь решетку. В этой комнате обычно было очень тихо, поскольку даже дверь обили стеганой кожей, но сейчас в

это святилище покоя проникал шум из холла, не давая двум женщинам забыть о том, что там происходит, наполняя их ощущением всеобщей озабоченности.

– Мы должны послать телеграмму Мейрику, – наконец произнесла Фрэнсис. – Это первое, что нам следует сделать.

– Нужно встретиться с полицейскими! – резко бросила миссис Айвори. – Выяснить, что им известно об этом деле. Если они захотят подняться сюда, я приму их, но ты непременно должна им напомнить, насколько я стара.

Последнюю фразу она произнесла не без удовлетворения, и Фрэнсис, посмотрев на нее, невольно задалась вопросом: в какой степени она осознает весь ужас происшедшей катастрофы?

– Как там наша Филлида? – спросила Габриэлла.

Взгляд ее стал пустым, а Фрэнсис в очередной раз почувствовала, насколько зыбкая почва у нее под ногами из-за невозможности рассчитывать на помощь этого когда-то столь острого, но постепенно угасавшего ума.

– Я вверила ее попечительству Доротеи, – мягко ответила Фрэнсис. – Разве вы не помните?

Пока она ждала ответа, шум голосов с улицы проник в комнату, и Фрэнсис опять ужаснуло осознание всей кошмарной шаткости своего положения. Габриэлла была ненадежной союзницей.

– Значит, вверила попечительству? Вероятно, так оно и было. – Старуха говорила, уже почти не вникая в смысл

слов. – А я-то думала, что сама как-то сумела избавиться от нее. Я же послала Доротею за доктором. Филлида… Бедняжка Филлида… Она из жалкой породы женщин, лишенных выносливости! Принеси мне зеркальце с ручкой, милая. И что там такое творится внизу?

Последний вопрос прозвучал настойчиво. Фрэнсис откинула портьеру и посмотрела вниз на узкую дорожку, которая тянулась от фасада во внутренний двор через арку, разделявшую дом и галерею. Окно находилось прямо над служебным выходом, откуда и исходил шум. Миссис Сэндерсон, экономка, стояла во дворе, а ветер обдувал ее солидную фигуру в мятом фартуке, надетом поверх нижней юбки и чулок. Она держала в объятиях плачущую девушку в настолько элегантном синем костюме, что Фрэнсис с трудом узнала Молли, одну из самых молодых служанок. Молли рыдала в голос. Модная шляпка съехала на затылок, а лицо она прятала на могучей груди миссис Сэндерсон. Перед этой своеобразно выглядевшей парой высился молодой человек, башмаки выдавали в нем полицейского в штатском. В каждой руке он держал по чемодану и был вынужден пустить их в ход, чтобы загнать женщин обратно в дом.

– Идите и поплачьте внутри, – внушал он им с добродушием коренного жителя Лондона. – Лейте слезы у очага в кухне, сделайте божескую милость, как добрые христианки. Заходите. Вот так, вот так, уже лучше. Заберите ее с собой, мамаша. Пусть идет с вами. Ну же!

– Нет. Нельзя ей здесь оставаться. Ни минуты больше. Она поступает правильно. А мне без разницы, кто вы такой. Если полисмен, то извольте предъявить ордер.

Миссис Сэндерсон использовала тон рыночной торговки, тонкий и визгливый, способный кого угодно вывести из себя, и противный, как звук ножа для рыбы, который точат наждаком.

– Боже милостивый! – воскликнула Габриэлла.

В этой фразе отчетливо прозвучал упрек, и Фрэнсис поспешно выглянула наружу.

– Могу я вам чем-то помочь? – громко спросила она.

Голос, донесшийся будто из облаков, произвел мгновенный эффект. Миссис Сэндерсон захлопнула рот, а Молли оборвала свои слезливые причитания. Полисмен в штатском поставил чемоданы на дорожку и снял шляпу.

– Получен приказ, согласно которому никто не должен покидать дом, мисс, – вежливо объяснил он.

– Ясно. Пожалуйста, вернитесь в дом, миссис Сэндерсон. И ты тоже, Молли. У вас не отнимут слишком много времени, а завтра сможете взять выходной.

Розовое, но словно намазанное черникой личико высунулось из мягкого укрытия груди миссис Сэндерсон.

– Я вовсе не собиралась брать выходной, мисс. Я решила уволиться.

– Стыдоба, – пробормотала экономка.

– Неужели? – удивилась Фрэнсис.

Все слуги Мейрика были замечательными людьми, незаменимыми в хозяйстве, так что их приход на службу или увольнение неизменно становились предметом обсуждения в семье. И поэтому столь поспешное бегство выглядело чем-то совершенно новым и из ряда вон выходящим. Однако при сложившихся обстоятельствах время и место для дебатов на подобную тему не представлялись подходящими.

– Что ж, сможете покинуть нас завтра, – пожала плечами Фрэнсис. – А сейчас возвращайтесь в дом. Я спущусь к вам.

– Да уж, пожалуйста, спуститесь, мисс, – в голосе экономки звучало много невысказанного и не слишком приятного для Фрэнсис. Она обняла Молли, которую никогда вроде бы не любила, с почти материнской нежностью.

Фрэнсис закрыла окно и подошла к туалетному столику, чтобы взять зеркало. Ее голова была настолько занята этим примечательным мелким инцидентом, что она толком не смотрела на Габриэллу, пока не склонилась через постель, подавая ей небольшое зеркальце с ручкой. Внезапная перемена во внешности старой женщины поразила Фрэнсис. Миссис Айвори сидела совершенно прямо, напоминая куклу, лицо превратилось в пожелтевшую маску. Но глаза были живыми и яркими, блестели, полные подозрительности, как глаза мыши.

– Что она сказала?

– Ничего особенного. Просто Молли, наша маленькая горничная, собирается увольняться и хотела уехать немед-

ленно, но полицейский заставил ее вернуться… Боже мой! Бабушка! С вами все в порядке? Не лучше ли вам прилечь?

Габриэлла закрыла глаза.

– Ложитесь, дорогая моя, – попросила Фрэнсис. – Обопритесь на мою руку и откиньтесь назад.

Старуха позволила уложить себя на подушки.

– Все это утомительно, – капризно вымолвила она, но и такая фраза прозвучала утешительно, поскольку была произнесена громко и отчетливо. – Где Доротея?

– Я скоро пришлю ее к вам.

– Нет. Не надо. – Сухая рука ухватила Фрэнсис за кисть с поразительной силой. – Оставайся здесь сама.

Она лежала почти неподвижно, но крепко впилась пальцами в руку Фрэнсис. Лицо приобрело спокойное выражение, и ничто не указывало на то, что она испытывает боль. Фрэнсис сообразила: ее держали мертвой хваткой, чтобы она не ушла, а вовсе не для поддержки.

– Мне надо спуститься вниз, – тихо сказала девушка. – А к вам я все-таки пришлю Доротею.

– Нет. – Глаза Габриэллы оставались закрытыми. – Фрэнсис, тебе никогда не приходила в голову мысль, что твоя сводная сестра… немного со странностями?

Было невозможно неверно интерпретировать ее слова, а столь прямолинейный вопрос, эхом повторивший вопрос Филлиды о Роберте, застал Фрэнсис врасплох.

– Нет, – ответила она. – Нет, дорогая моя.

– Однако ты вздрогнула, милая. – Черные глаза открылись и снова пристально смотрели на нее. – Она разговаривает с тобой?

– Не слишком часто. Но она в порядке. Разумеется, случившееся стало для нее страшным ударом.

– Естественно. Ты напоминаешь мне своего деда. Он никогда никому ни в чем не признавался. А эта одержимость Филлиды врачами – признак подлинного заболевания. Настоящая мания. Значит, она ничего не слышала?

– Слышала? Когда именно? В ту ночь, когда Роберта… В ту ночь, когда умер Роберт?

– Нет, раньше. Гораздо раньше.

– Дорогая моя, я не понимаю, о чем вы.

– Забудь обо всем, милая, – промолвила Габриэлла. – Я настолько стара, что у меня порой разыгрывается воображение. Слышишь? Кто-то идет по лестничной площадке.

Фрэнсис повернула голову. Все ненадолго успокоились, и сам дом словно тоже затаил дыхание.

– Я ничего не слышу.

– Но там точно кто-то есть. Мое милое дитя, я спала в этой комнате целых тридцать лет и научилась различать посторонние звуки. Открой дверь.

Фрэнсис пересекла комнату, охваченная испугом. Роберт умер, Мейрик находился в отъезде, полиция наводнила дом, Филлида снова свалилась с болезнью, Дэвид Филд… Похоже, Дэвид Филд оказался замешанным в это дело, а теперь

еще Габриэлла впала в старческий маразм. Тяжелая, плотно обитая кожей дверь открылась бесшумно, и мисс Дорсет, стоя на пороге в нерешительности, чуть не подпрыгнула от удивления.

– Я не хотела стучать, боялась, что миссис Габриэлла спит, – прошептала она, взяв Фрэнсис за руку и выводя ее в коридор. – Отправила телеграмму в офис фирмы в Гонконге. Они разыщут вашего отца, где бы он сейчас ни находился. Как такое могло произойти? Вам уже известно хоть что-нибудь?

В тот день все приобретало мучительно четкие очертания, и теперь перед Фрэнсис возник силуэт женщины на фоне арки лестничной площадки. В каждой своей детали образ представлялся необычайно ясным, и она впервые заметила, что седеющие, песочного оттенка волосы мисс Дорсет слишком редкие, вопреки усилиям тщательно начесывать их, лицо неестественно заострено, кожа покрыта мелкими пятнами, пять морщин на лбу чрезмерно рельефны. От возбуждения на скулах выступил румянец, а во всей ее внешности проступали натужная сердечность, натянутая симпатия, подрывавшие веру в искренность и надежность.

– Я стараюсь как можно дольше все скрывать от сотрудников фирмы, – поспешно продолжила она, – но скоро сюда слетятся репортеры, знаете ли. Как вы пожелаете обращаться с ними?

Даже в этот момент, когда нежелательная огласка несча-

стья оставалась угрозой, о которой никто еще даже не успел толком задуматься, вопрос показался Фрэнсис абсурдным.

– А как, по-вашему, следует обращаться с репортерами? – усмехнулась она, почувствовав, что ведет себя не слишком умно, потому что собеседница покраснела еще гуще.

– Конечно, я могу попытаться отделаться от них, – ответила мисс Дорсет немного обиженно, – но порой лучший выход из положения – выступить с каким-то заявлением для прессы. В галерее нет никого, кто может принимать подобные решения. Предполагаю, что за старшую теперь я. Но я не в состоянии разыскать даже Лукара. Его все еще нет на месте.

– А ведь уже за полдень, не так ли?

– Почти половина первого. Я позвонила ему домой, и мне сказали, что он уехал оттуда еще в девять часов. Ума не приложу, где он может находиться, – голос мисс Дорсет стал ворчливым. – В некоторой степени без него даже лучше, но он может знать, что именно произошло. Кто-то же должен знать это. У меня нервы на пределе, мисс Айвори. Я могу выдержать многое, если рядом кто-то из начальства, но справляться в одиночку я не привыкла, а потому…

– Разумеется, не привыкли, мисс Дорсет, – кивнула Фрэнсис, взяв ее за руку. – Все случилось внезапно, но вам не следует беспокоиться. Мы справимся. Возвращайтесь обратно и работайте в обычном режиме. Если кто-то начнет приставать к вам с расспросами о Роберте, направляйте их ко

мне, и я сама с ними поговорю. Найдите Лукара как можно скорее. Полиция захочет побеседовать с ним.

Она сделала паузу. Мисс Дорсет смотрела на нее с любопытством, в выражении ее лица смешались страх и волнение.

– Значит, все-таки было совершено преступление? Я что-то слышала, но не хотела ни у кого пока выпытывать подробности. Кто же виновен?

– Полиция сейчас выясняет.

Разговор получался странным. Обе избегали употреблять слово «убийство». Руки мисс Дорсет заметно тряслись, губы дрожали.

– Просто жуть берет, – сказала она. – Более ста лет у нас не случалось ни намека на скандал, а теперь, когда здесь нет вашего отца, столько всего сразу навалилось! Вы уверены, что мистер Роберт не мог покончить с собой?

– Уверена. Понимаете, он был найден в стенном шкафу. Его тело там кто-то спрятал.

– Я совершенно потрясена, – вздохнула мисс Дорсет. – Мне, признаться, часто приходила в голову мысль, что я стану делать, если когда-нибудь столкнусь с… С преступлением вроде этого. Но сейчас, когда все произошло, это оказалось всего лишь еще одним страшным происшествием в нашей жизни, верно? Я хочу сказать, что перед нами стоит задача, требующая практического решения. Мисс Айвори, я не стала бы рассказывать об этом никому другому, но мистер Лукар той ночью задержался в вашем доме. Вы знали об этом?

– Да. Я видела его.

– Вот как… Если бы все обстояло иначе, я бы могла хоть что-то понять. Или если бы он сам наложил на себя руки…

– Отчего же? Роберт был человеком нервным, но отнюдь не склонным к самоубийству.

– Вы действительно так считаете?

– А у вас есть основания утверждать обратное?

Мисс Дорсет замялась, но, когда снова заговорила, смысл ее фразы оказался настолько удивительным, что во второй раз за день Фрэнсис ощутила, будто кто-то сильно ударил ее в грудь.

– Он никогда не рассказывал вам о свисте по телефону? – спросила мисс Дорсет. – Значит, не рассказывал. Тогда прошу вас, ради всего святого, не упоминайте никому об этом. Вероятно, тот случай не имел никакого значения. Мне самой не следовало ни о чем таком говорить, но я настолько расстроена сегодня, что не понимаю мотивов своих поступков. Вернусь в галерею, нельзя так надолго покидать ее. Рада была застать вас здесь. Вы напоминаете мне своего отца. Вы знаете, насколько похожи на него? В любое время, если я понадоблюсь, пошлите за мной. Я буду там.

Фрэнсис схватила мисс Дорсет за плечо, когда та уже повернулась, чтобы уйти.

– Судя по вашим словам, вы считали Роберта сумасшедшим?

– Да, у меня возникали подобные мысли, – ответила мисс

Дорсет. – Они бы и вас посетили, знай вы его так же хорошо, как я.

Фрэнсис наблюдала за ней, пока она спускалась по лестнице: в туфлях без каблуков, потрясенная, сбитая с толку, но, несомненно, отважная и верная сотрудница их фирмы.

Глава 6

Самая юная представительница семьи Айвори замерла в нерешительности. В комнате Габриэллы все затихло, и Фрэнсис воспользовалась возможностью побыть в одиночестве. Ей отчаянно нужна была передышка, пара минут, чтобы взять себя в руки и суметь отделить факты от сумбура предположений и загадок. Она с облегчением поспешила вернуться к себе в прохладную спальню. Но ощущение спокойствия исчезло, когда высокий и стройный мужчина, стоявший у окна, повернулся и приблизился к ней.

– Привет, герцогиня! – воскликнул Дэвид Филд. – Я так и подумал, что ты рано или поздно непременно появишься здесь. Надеюсь, твои нервы в порядке?

Он стоял и смотрел на нее сверху вниз, протягивая открытый футляр с сигаретами, и Фрэнсис отметила, до чего же он хорош собой, что отчасти могло даже огорчать, поскольку она догадывалась, скольким другим женщинам приходила в голову такая же мысль.

– О чем они тебя спрашивали? – нетерпеливо произнес Дэвид, закуривая. – Ведь Роберта убили, не так ли?

– Похоже на то. – Фрэнсис отметила, что в его глазах не было страха, только тревога за нее.

– Главный источник информации для нас – милый старый шотландец, – продолжил Дэвид небрежным тоном. – Тебе не

следует опасаться его. Вероятно, он даже честен. Со мной разговаривал отцовским тоном. У меня сразу возникло желание доверить ему все свои секреты. Так что происходит? Почему у тебя округлились глаза?

Фрэнсис, не догадывавшаяся, что эмоции отразились на лице, не сразу нашла объяснение.

– Со мной все в порядке, – поспешно заверила она, но Дэвид лишь рассмеялся и приобнял ее за плечи.

Жест получился таким же дружеским, как и тон его общения с ней.

– Ты считаешь меня простаком, верно? – произнес Дэвид. – Ты такая милая и очень доверчивая. Я же более опытен в житейских делах, хотя порой сам не осознаю это. Кстати, я кое-что вспомнил: ты хорошо сыграла роль сестры милосердия на прошлой неделе, смазав мне ранку на руке йодом.

Фрэнсис припомнила тот маленький инцидент. Дэвид утром пришел к ней, чтобы обсудить, как им лучше объявить о своей помолвке, удивив ее своим смущенным видом. И пока они разговаривали, она заметила содранную кожу на костяшке одного из пальцев и настояла на немедленном применении антисептика. Они стояли в кухне, Фрэнсис смазывала йодом ранку и рассказывала о том, как Роберт сбежал из дома в свой любимый клуб. Значит, это произошло на следующее утро после смерти Роберта.

– Да, помню, – кивнула Фрэнсис. – А почему ты спраши-

ваешь?

Дэвид вытянул правую руку ладонью вниз, чтобы она смогла рассмотреть ее.

– Полностью исцелен, – улыбнулся он. – Даже шрама не осталось. Ты когда-нибудь слышала о Кориолане?

– О ком?

– О Кориолане, благородном римлянине. Он ненавидел выставлять напоказ свои раны. В этом я похож на него. И потому решил упомянуть об этом. Забудь о том маленьком происшествии, словно его и не было.

Дэвид обнял ее, а Фрэнсис взглянула на него испуганно, поняв истинный смысл его просьбы. Она стояла так близко к нему, что могла видеть только его рот. Тонкая линия его губ скривилась, словно у капризного ребенка. И тут Дэвид внезапно отпустил Фрэнсис, чуть оттолкнув в сторону, и разразился смехом:

– Впрочем, можешь рассказать им обо всем, птичка моя, но только, пожалуйста, ничего не драматизируй.

– Я ничего не драматизирую, – возразила Фрэнсис. – Но вот только…

– Что? Вот только что, мои любимые акварельные глазки?

Они стояли и смотрели друг на друга. Дэвид насторожился, хотя напускал на себя небрежный вид, а Фрэнсис казалась просто обиженной, хотя в глубине души испытывала страх.

В самый неудачный момент раздался стук, и полицейский распахнул дверь. За его спиной маячила группа людей. Фр-

энсис увидела Норриса, полисмена в штатском и уже знакомого ей пожилого шотландца. Его глаза были суровыми. Под совиным взором представителя власти Фрэнсис покраснела. Эта комната с муслиновыми занавесками, с задрапированным туалетным столиком и с пышной постелью, украшенной воланами в колониальном стиле, должно быть, казалась ему гнездышком юной девицы. Фрэнсис покосилась на Дэвида, заметив, как он сразу стал серьезным.

– «Для чистых душ все кажется немного неприличным», – шепотом процитировал он только для нее поэтическую строку, а потом с улыбкой повернулся к главному из полицейских. – Вас уже представили мисс Айвори? – спросил он. – Фрэнсис, это мистер Бриди, старший детектив-инспектор.

– Приятно познакомиться с вами, мисс Айвори, – произнес Бриди, и снова его густой голос и мягкий акцент с придыханием застали ее врасплох и удивили. – Нам с вами необходимо побеседовать, – продолжил он, оглядываясь по сторонам, – но здесь едва ли подходящая обстановка.

Его замечание прозвучало предельно вежливо. Они вышли на лестничную площадку. Норрис и подчиненные Бриди поспешили спуститься вниз. Детектив посмотрел на Дэвида:

– Я бы предпочел поговорить с молодой леди наедине.

Дэвид кивнул и тоже спустился вниз, чтобы присоединиться к остальным. Фрэнсис ожидала, что, проходя мимо, он хотя бы дотронется до ее руки, и была разочарована, ко-

гда этого не произошло. Бриди отвел ее в угол лестничной площадки.

– Ваши полные показания мне пока не требуются, мисс Айвори, – заговорил он. – Но дело серьезное. Скверное и неприятное дело, а потому чем скорее мы разберемся в нем, тем лучше будет для всех заинтересованных лиц. Я слышал, ваша сестра больна и ее нельзя беспокоить. По крайней мере, так считает доктор. Это правда?

– Вы имеете в виду мою сводную сестру? – уточнила Фрэнсис.

– Да, вашу сводную сестру. Извините за ошибку.

Бриди ясно распознал отсутствие особо теплых чувств между ней и Филлидой, и Фрэнсис ощутила себя еще более неуютно.

– Я уже знаю, кто вы такая, у меня есть информация о вас, – продолжил он сдержанно и по-дружески снисходительно, будто ему приходилось разговаривать с ребенком. – Вскоре мне придется задать вам несколько вопросов, а пока не сочтите за труд проводить меня для встречи с вашей бабушкой.

– Вы хотите видеть Габриэллу? – Фрэнсис посмотрела на массивную, обитую кожей дверь в противоположном конце холла второго этажа.

Он кивнул:

– Насколько я понимаю, она старая женщина, и ей будет комфортнее, если вместе со мной придете вы. Я не отниму

у нее больше минуты.

– Я посмотрю, возможно ли это, – сказала Фрэнсис. – А что конкретно произошло, инспектор Бриди? Неужели Роберта действительно убили?

Он оглядел ее, и на его приятном лице отразилось нечто, похожее на неодобрение.

– Вы употребили нехорошее слово, мисс Айвори. Но ваш несчастный зять действительно был убит. И как это произошло, я сейчас пытаюсь выяснить.

Его осторожный подход к выбору слов лишь усугубил ситуацию, подчеркнув творившийся в доме кошмар. Старший детектив-инспектор представлял собой тип неспешно работающего, но неутомимого и лишенного чувства юмора следователя, которого можно было бы считать достойным продолжателем наилучших традиций британского полицейского сыска.

– Мне сначала нужно самой взглянуть на бабушку, – поспешно сказала Фрэнсис.

Престарелая миссис Айвори отложила в сторону зеркальце и плотно закуталась в кружевные шали. Фрэнсис пригласила к ней в спальню детектива-инспектора. У изголовья кровати стояла Доротея, не одобрявшая разворачивавшейся перед ней сцены. Бриди приблизился к постели с максимальной деликатностью. Он чуть утратил ореол собственной властности, оказавшись в обществе столь величавой, хотя и хрупкой женщины, что не могло не порадовать Фрэнсис. При

других обстоятельствах она могла бы даже пожалеть этого мужчину. Габриэлла пристально разглядывала его. Спиной она опиралась о подушки, а глаза снова стали живыми и ясными.

– Я уже очень долго живу на этом свете.

Было то приветствием или же затейливым началом разговора, но фраза в любом случае прозвучала неожиданно. Не сразу сообразив, как реагировать на нее, Бриди просто кивнул.

– Несомненно, мэм. Я бы не посмел беспокоить вас, если бы того настоятельно не требовали сложившиеся обстоятельства.

Старая леди вслушивалась в его голос с явным удовольствием.

– Как там сейчас в Шотландии? – спросила она. – Давным-давно я в сезон любила отправляться в Бреймар. Помню этих бедняжек оленей: бархатные мордочки и тонкие ножки с крошечными копытцами, как ступни женщин в слишком тесной для них обуви.

Бриди бросил на Фрэнсис многозначительный взгляд, и она взяла инициативу в свои руки:

– Дорогая моя, перед вами старший детектив-инспектор. Он хотел бы поговорить с вами о Роберте.

– О Роберте, – повторила старуха. – Ах да, конечно. Я успела забыть обо всем. Стала до крайности забывчивой. Значит, вы – полицейский?

Последний вопрос был задан необычно резко, и Бриди напрягся.

– Да, мэм.

– Полиция, – вздохнула Габриэлла. – Полиция в нашем доме. Теперь вспомнила. Ну, разумеется. Ведь наш несчастный Роберт вчера умер.

– Вчера? – переспросил детектив, и Фрэнсис почудилось, что он ухватился за это слово как за важное свидетельское показание.

– Да, но мне они обо всем рассказали только сегодня утром. Ты ведь мне сообщила новость, Доротея? – Габриэлла повернулась к горничной, сопроводив фразу истинно аристократическим жестом и словно вернув в комнату призраки далекого прошлого.

– Все верно, я вам сообщила об этом, дражайшая. – Сама уже изрядно одряхлевшая, Доротея нежно погладила руку хозяйки и пронзила инспектора взглядом, исполненным безмолвного возмущения.

Ему стало немного не по себе, но он твердо решил добиться поставленной цели.

– Это часть моих служебных обязанностей – выявить тех, кто мог питать особую неприязнь к покойному, мэм.

Габриэлла закрыла глаза.

– Роберт, – произнесла она. – Бедный Роберт. Я и сама никогда не любила его. Помню все очень хорошо. Они с моим мужем никогда не дружили, оставаясь лишь партнерами

в бизнесе. Ссор между ними не возникало, но и близкими их отношения нельзя было назвать.

Фрэнсис пришлось вмешаться:

– Дорогая моя, вы имеете в виду Мейрика, не так ли? Мейрик – мой отец. Он ваш сын, а не муж.

Но огонь словно погас. Приободрившаяся с утра Габриэлла опять исчезла в своем мире теней. Эта старая женщина перемещалась из настоящего в прошлое и обратно, как ребенок взлетает то вверх, то вниз на качелях в саду.

– Мейрик? – Глаза открылись, загоревшись интересом. – Где же Мейрик? Пришлите его сюда немедленно. Я уже много часов жду его появления. Почему он до сих пор не у меня? Бизнес может подождать. А я больше не в силах одна справляться с людьми, в таком-то возрасте. Он должен понимать: я не могу всю жизнь заботиться о нем.

Доротея наклонилась к своей хозяйке:

– Он еще в отъезде, мэм. За границей, дорогая моя. Я вам пыталась объяснить это. Но вы очень устали. Мистер Мейрик рано или поздно придет. Не надо терзать себя.

Она говорила нарочито успокаивающим тоном, но в нем отчетливо слышались нотки недовольства. Казалось, Габриэлла уловила это, потому что негромко рассмеялась:

– Бедная моя Филлис. Нет, ты же не Филлис, верно? Филлис служила у меня, когда родился Мейрик. Бедная Доротея и бедная Габриэлла. Габриэлла слишком стара. Стара, очень стара. Дайте мне подумать. Повторите свой вопрос, мужчи-

на.

– Вы сказали, что не слишком хорошо относились к мистеру Роберту Мадригалу, мэм, – напомнил Бриди. – Наверное, вы успели обменяться с ним хотя бы парой слов, когда приехали сюда из Хэмстеда?

– Нет, – Габриэлла, казалось, обрела ясность ума и нашла силы говорить с напором. – Он повел себя грубо со мной, а я заявила, что останусь здесь, в своей собственной комнате до возвращения Мейрика.

– До возвращения вашего сына? – уточнил детектив.

– Разумеется, – подтвердила Габриэлла. – До возвращения моего сына из деловой поездки.

– Из заграничной?

Черные глаза Габриэллы блеснули, она развела руками, а потом разразилась смехом. Причем не веселым, а нарочитым светским смехом многоопытной актрисы. Так в ее кругах обычно смеялись, чтобы сгладить неловкость или заполнить паузу в салонном разговоре.

– Я очень забывчива, – обратилась она к Бриди с учтивыми извинениями, свойственным людям ее эпохи и воспитания, вложив в слова весь свой прежний женский шарм. – Я так стара. Все забываю. Уж простите меня, пожалуйста.

Инспектор выглядел растерянным, и его можно было понять. Доротея, у которой на глазах выступили слезы, опять склонилась как можно ближе к хозяйке:

– Речь идет о смерти. Мистер Мадригал мертв. Они обна-

ружили труп мужа мисс Филлиды в стенном шкафу внизу. Я рассказывала вам об этом.

Габриэлла уставилась на нее с ошеломленным видом ребенка или взрослого, не способного ни на чем сосредоточиться:

– Это случилось сегодня? Мне казалось, мой муж был со мной, когда ты пришла, чтобы сообщить обо всем. Он спустился вниз, чтобы увидеть его. Боже, годы безжалостны ко мне! Я совсем утратила чувство времени. Теперь мне представляется, что все это случилось многие годы назад. А Роберт Мадригал умер только сегодня, и в доме полиция!

Ее голос затих, но губы продолжали шевелиться. В глазах застыли тревога и беспомощность. И отношение Бриди к ней изменилось.

– Приношу извинения за столь бесцеремонное вторжение к вам, мэм, – произнес он, и стало очевидно, что былой шарм Габриэллы не полностью покинул ее. Детектив был таким же старомодно галантным, каким мог бы выглядеть любой чопорный мужчина в солидном костюме из более привычной для нее эпохи. – Я не потревожу вас больше. – Он чуть повысил голос, будто разговаривал с особой королевской крови, находившейся на пороге смерти: – Покорнейше вас благодарю. Доброго вам утра.

– И вам доброго утра, – отозвалась Габриэлла и поделилась впечатлениями с Доротеей еще до того, как полицейский покинул комнату: – Прелестное создание. Кто он такой,

напомни мне? Кем он представился?

Старший детектив-инспектор разрумянился и словно внезапно помолодел.

– Великолепная старая леди, – обратился он к Фрэнсис в приступе доверительности, что редко позволял себе. – Но очень уж дряхлая. Меня предупреждали, что ей почти девяносто, но я даже не представлял ее такой. Весьма вам признателен за возможность взглянуть на нее. Рад, что мне это удалось. Когда человек достигает столь преклонных лет, дни и годы неизбежно смешиваются в сознании. – Он вздохнул и добавил серьезно: – Как, наверное, ужасно существовать в таком обветшавшем теле! Так вы говорите, она приехала сюда неделю назад?

– Да. В тот самый день, когда Роберт… В тот день, когда Роберт пропал.

– Значит, все верно, – кивнул Бриди. – И тогда она думала в основном о своем сыне, вашем отце?

– Вероятно. Мы в тот день говорили о нем.

– Говорили? Это может многое объяснить. Я не до конца разобрался в ситуации, пока не повидался с ней. Потому что на следующее утро после приезда сюда, задолго до того, как распространилась новость о так называемом исчезновении мистера Мадригала, она отправила Молли на почту отправить телеграмму агенту вашего отца в Гонконге. Горничная не помнит содержание послания дословно, но в нем был призыв немедленно вернуться домой. Вы знали об этом?

Бриди прочитал ответ на лице Фрэнсис и добродушно рассмеялся.

– Из вас никогда не вышла бы хорошая лгунья, – констатировал он и продолжил, вновь сделавшись серьезным: – Понимаю, насколько неприятно для вас это дело, но справедливость должна восторжествовать.

Какое-то время он хранил молчание, а затем удивил Фрэнсис своим следующим вопросом:

– А известно ли вам, что нынче утром маленькая горничная Молли была уволена той старой женщиной, что прислуживает вашей бабушке? Ее попытались буквально выставить за дверь через четверть часа после того, как обнаружили труп.

Глава 7

На следующее утро Фрэнсис сидела одна в комнате для завтраков. Она замерла над подносом с нетронутой едой, тоскливо глядя сквозь тонкую сетку тюля на очередной серый день поздней осени, окрашенный в чуть желтоватые меланхолические тона, характерные для Лондона. Тут в комнату ворвалась мисс Дорсет со своими новостями. Она не успела снять плащ и шляпку, и на ниспадавших на лоб прядях ее песочно-седых волос оставались небольшие кристаллы инея. С трудом дыша, мисс Дорсет тщательно закрыла за собой дверь и приблизилась к столу, опершись на него рукой.

– Он сбежал!

– Кто? Лукар?

Может, то была неуместная реакция, но Фрэнсис сразу ощутила, как ее сердце наполнилось надеждой. Мисс Дорсет кивнула. Ее глаза светились радостью, а лицо сияло от возбуждения.

– Можете представить нечто подобное? Мне это в голову пришло еще вчера, но я, естественно, не хотела ни с кем делиться своей догадкой. Сегодня утром отправилась к нему на квартиру, как только набралась храбрости, и его слуга подтвердил, что его до сих пор нет. А ведь ушел он вчера, когда не было еще и девяти часов, и больше к себе не возвращался. И только одно объяснение приходит на ум.

Фрэнсис поднялась из-за стола.

– Боже мой! – воскликнула девушка. – Если бы так и случилось! Если бы все было именно так!

Мисс Дорсет посмотрела на нее с любопытством.

– Я сама испытала те же чувства, – заметила она, презрительно усмехнувшись. – Какое облегчение! Вы же понимаете, что, как только его поймают, он пойдет под суд. И ему придется несладко, если мы все дадим свидетельские показания. Полиция уже ищет его. Слуга сказал мне, что какой-то мужчина наблюдал за домом всю ночь. Что ж, я не удивлена. Никогда не любила Лукара и не доверяла ему. Именно он стоял за всеми неприятностями, случившимися в нашей галерее. Я знала об этом с самого начала. Но не могла ничего поделать или даже сказать, пока Роберт Мадригал оставался моим начальником. В последнее время он нагонял на меня жуткий страх. Несчастный человек. Поневоле начинаешь сочувствовать ему. Его смерть кажется чем-то невероятным, правда? Как его убили? Вы знаете?

– Нет. – Фрэнсис выглядела утомленной, хотя тонкие черты лица оставались по-прежнему привлекательными и изящно обрисованными. – Я ничего не знаю, мисс Дорсет. И это пугает больше всего. Никому ничего не известно. Полицейские приезжают и уезжают, ходят по всему дому, посылают за каждым из нас, задают вопросы, а потом исчезают. Норрис кажется наиболее осведомленным, собирая слухи в разговорах с тем полисменом, дежурящим у задней двери. У меня

порой возникает ощущение, будто мы сидим с завязанными глазами в коробке со стенками из стекла. Любой может видеть нас, но мы сами ни видим никого, даже друг друга.

Мисс Дорсет тяжело опустилась на стул:

– Да, вы правы. Старый мистер Уортингтон не слишком-то полезен, верно? Да и трудно ожидать, чтобы пожилой юрист оказался на высоте в столь сложном деле. За всю жизнь он не сталкивался ни с чем более затруднительным, чем нарушение условий договора. Однако я поручила ему отстаивать наши интересы, ведь кто-то должен стать нашим представителем во время предварительного расследования, а он служил не только адвокатом фирмы, но и личным поверенным мистера Мадригала.

– Он очень добр, – заметил Фрэнсис. – Пробыл здесь весь вчерашний день после обеда. Филлида не пожелала принять его, но зато с Габриэллой они проговорили несколько часов. Я попыталась выудить из него хотя бы немного информации, а он просто потрепал меня по руке и сказал, что нет причин для беспокойства. Вероятно, я ошибаюсь, но у меня сложилось впечатление, будто он не желает вмешиваться ни в какие проблемы.

– И его трудно в том винить, я считаю. Я имею в виду, что теперь все не так уж и скверно, когда мы поняли, что виновен Лукар, – добавила мисс Дорсет, желая утешить Фрэнсис. – Прежде – да, все было непредсказуемо, пугало. Потому что, если начистоту, нам было ясно, что преступником стал кто-

то, находившийся той ночью в доме.

Ничто не звучит столь жестоко, как правда, высказанная с напускным добродушием, и Фрэнсис снова почувствовала, насколько нетвердая почва у нее под ногами.

– Наверное, вы правы, – тихо проговорила она.

– Вне всяких сомнений. – Мисс Дорсет издала суховатый смешок человека, вставшего на сторону здравого смысла. – Именно это больше всего и шокирует в подобных делах. Они неизменно оказываются настолько страшными, какими представляются на первый же взгляд. Я, например, испытывала чудовищный страх еще вчера… Он ведь хороший человек, не правда ли? Мне всегда нравились его картины.

На сей раз трудно было бы ошибиться в трактовке смысла ее слов.

– Лично я никогда даже мысли не допускала, что Дэвид имеет к этому хоть какое-то отношение, – заявила Фрэнсис, надеясь, что выражение ее лица не выдаст страха.

Мисс Дорсет сжала ее руку:

– Конечно же, не допускали, моя дорогая. От вас никто и не мог ожидать таких подозрений. – Возникла неловкая пауза, и она поспешно продолжила: – Я пока не получила ответа на свою телеграмму, посланную в Китай. Присутствие здесь вашего отца сейчас необходимо. Ведь в соседнем доме не осталось никого, обладающего хоть какой-то властью. Я сама не в счет, разумеется.

Фрэнсис почувствовала себя немного виноватой:

– Папа скоро приедет. Забыла рассказать вам. От него поступило сообщение вчера вечером, когда вы уже отправились домой. Эта невероятная новость о Лукаре заставила меня забыть обо всем. Он прислал телеграмму из Александрии. Вылетает самолетом сегодня утром. Завтра будет дома. Как выяснилось, Габриэлла связалась с ним по телеграфу еще на прошлой неделе.

– Неужели?

На мгновение в бледно-голубых глазах мисс Дорсет промелькнула искорка подозрительности.

– Да. Но все это исключительно моя вина. На прошлой неделе меня до такой степени вывели из себя неприятные происшествия в галерее, что я отправилась в Хэмстед и рассказала ей обо всем. Видимо, моя история напугала нашу славную старушку, поскольку она сразу проявила активность и связалась с папой.

Ее версия звучала вполне убедительно, и если не была полностью правдивой, то легко могла сойти за правду. Мисс Дорсет сразу успокоилась.

– Значит, уже завтра, – сказала она таким тоном, что, будь она чуть моложе и немного привлекательнее, радость в ее голосе дала бы повод для неверной интерпретации. – Хорошая новость. Теперь у нас все будет в полном порядке. Я посмотрю в справочнике время приземления самолета и отправлю машину встречать его. Завтра? Точно завтра? Я даже надеться не смела, что это произойдет так скоро. Передать не могу,

как вы приободрили меня. У нас для него столько новостей. Прежде всего о мистере Годольфине. Я была так рада узнать, что он жив и здоров после всех своих передряг! Но, честно говоря, у меня почти не оставалось времени подумать о его судьбе. Ваш отец будет в восторге. Дорогая, как же прекрасно все складывается! Хотя для него возвращение домой станет не самым легким, – добавила она, помрачнев. – Бедняга! Какой шок его здесь ожидает! Но все же буду несказанно рада, увидев его вновь.

Мисс Дорсет пребывала в смятении, хотя сама не осознавала этого. Подобное отношение идеальной женщины-помощницы к своему работодателю, столь глубокая привязанность к нему стали приметой нового времени, заменив собой просто добросовестное исполнение порученных обязанностей. Информация оказалась настолько важнее ее собственных новостей, что она сразу удалилась, поглощенная приготовлениями к возвращению Мейрика. Роберта Мадригала могли убить, а Лукар мог считаться виновником преступления, но для мисс Дорсет главным стало долгожданное возвращение ее босса.

Самая юная из семейства Айвори осталась стоять у окна, и рассеянный желтоватый свет падал на ее волосы, подчеркивая резкую линию подбородка. Позднее, вспоминая то раннее утро, Фрэнсис отчетливо понимала: два часа относительного покоя, воцарившегося в доме, – это было затишье перед бурей, и, видимо, само Провидение дало ей время собрать-

ся с духом, прежде чем вовлечь в стремительный водоворот трагических событий.

Габриэлла еще спала в своей роскошной постели, благословляемая с гобелена Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. Филлида пребывала в прострации, и никто не осмелился беспокоить ее. Да и не видели смысла сообщать слухи, подменявшие реальные факты.

Значит, преступником оказался Лукар… Эта новость в буквальном смысле позволила Фрэнсис легче дышать. Она сразу же обратилась мыслями к Дэвиду и представила его таким, каким он предстал перед ней во дворе тем вечером, когда свирепый ветер кружил вихрем вокруг нее, уподобляясь живому, злобному существу. В ее памяти отчетливо запечатлелась сцена: Дэвид Филд стоит у окна и смотрит вниз, его лицо лишено всякого выражения. Смотрит вниз… А потом еще эта вздорная просьба сохранить в тайне повреждение на руке…

Фрэнсис ходила из угла в угол в попытке избавиться от навязчивых идей, навеянных теми событиями, но потом замерла, сообразив, что не знает, как именно убили Роберта. Все стало бы гораздо проще, будь ей известны подробности. Она сделала над собой усилие, чтобы направить мысли в иное русло, заставив себя думать прежде всего о Лукаре. Помимо того, что он представлялся человеком, способным на преступные действия, Лукар практически выдал себя, поспешив скрыться. Но она осознавала и другое, что скорее всего не

все так просто. Тяжесть снова легла на сердце. Картина предстала перед ней так живо, будто Фрэнсис видела ее перед собой на экране кинотеатра. Когда она столкнулась с Лукаром в конце коридора, он лишился дара речи от уязвленного самолюбия, разочарования и ревности. Именно такие эмоции охватили Лукара в тот момент. Они ясно читались на его лице, просматривались в каждом движении коротконогого невзрачного тела. Он осмотрел кольцо на ее руке и бросился прочь из дома. Существовала вероятность, что позднее Лукар вернулся никем не замеченный, однако проникнуть обратно в дом бесшумно и не привлекая внимания оказалось бы сложно – замок входной двери был снабжен пружинным механизмом, надежно защелкивавшим его.

А вот Дэвид, несомненно, оставался в зимнем саду уже после ухода Лукара. Фрэнсис помнила, как он стоял у окна и смотрел куда-то вниз…

Странно, но только сейчас к ней вернулось воспоминание о том, как в тонком луче света медленно повернулась ручка двери сарая. До сих пор Фрэнсис была склонна игнорировать этот факт, считая игрой воображения, но теперь, при свете дня, и с новой информацией, полученной за последние двадцать четыре часа, то странное шевеление вспомнилось ей во всей своей несомненной реальности. Кто-то прятался в сарае. Стоял, скрытый в его удушливой темноте, наблюдая и выжидая. И это никак не мог быть Лукар. Она же ясно слышала, как входная дверь захлопнулась за ним, и даже если

бы ему удалось стремительно вернуться во внутренний двор, она успела бы заметить его, как только вышла на лестницу.

Но в сарае не мог прятаться и Дэвид, поскольку он был в комнате и его фигура четко виднелась в освещенном окне. Так кто же это мог быть? Кто еще таился той ночью в тишине дома?

В конце концов Фрэнсис решила спуститься во двор и осмотреть сарай при свете дня. Даже не задумавшись, почему поступает именно так, она пошла не через коридор, ведущий в зимний сад, а вышла через кухню, где царила гнетущая атмосфера. Миссис Сэндерсон окинула ее сочувствующим взглядом, отчего Фрэнсис ощутила себя в роли брошенной всеми сироты из дешевой театральной пьесы, а Молли, хотя именно Фрэнсис вернула ее на прежнюю работу в дом, по непонятной причине злобно покосилась поверх груды картофельных очисток. К счастью, ни та, ни другая не испытывали желания вступать в разговор с хозяйкой. Фрэнсис вышла во двор и по-новому взглянула на знакомую обстановку, которой несчастье придало несколько иные, на вид даже более обшарпанные очертания, чем в ту ночь неделю назад, когда здесь буйствовал ветер, а высокие дома вокруг, подобные горам, отбрасывали удлиненные тени.

Сегодня день выдался душноватый, а значит, скоро опустится туман. Бывший розарий выглядел маленьким и грязным, как многие похожие городские дворики, напоминающие колодцы или вентиляционные шахты.

Фрэнсис подошла к сараю, ощущая себя глупой девчонкой и даже испытывая чувство вины. Она понятия не имела, что именно ожидала там найти. Но понимала лишь одно: того, кто прятался в сарае неделю назад, давно и след простыл. Тем не менее она осторожно повернула ручку и распахнула дверь. Двигалась она медленно, однако в темноте помещения успела заметить краткую вспышку света, поспешно погашенную. Фрэнсис замерла. Мурашки испуга пробежали по спине.

– Кто здесь? – негромко окликнула она.

Ни ответа, ни хотя бы какого-то движения. Ей стало еще страшнее. Разум подсказывал: необходимо запереть сарай на щеколду и отправиться в дом за фонариком, но стоило ей лишь попытаться повернуть назад, как из темноты донесся голос – спокойный и неожиданно знакомый:

– Это вы, мисс Айвори? Чуть не принял вас за кое-кого другого. Заходите смелее, будьте любезны.

Старший детектив-инспектор Бриди включил свой фонарик, и пыльное, напоминающее пещеру пространство вокруг него стало видно во всей отчетливости. Детектив сидел на перевернутом упаковочном ящике, соорудив себе нечто вроде импровизированного стола из белых досок. Фрэнсис изумленно уставилась на него.

– Вы до смерти перепугали меня! Что вы тут делаете в кромешной тьме?

Он усмехнулся:

– Занимаюсь своим делом. Просто выключил фонарик, чтобы разобраться, зачем сюда явились вы. Почему вам понадобилось приходить в сарай? Вы что-то надеялись тут обнаружить?

– Вовсе нет.

Детектив пожал плечами:

– Довольно глупо с вашей стороны отрицать это, ведь я наблюдал за вами.

Бросив эту фразу, Бриди склонился над самодельным столиком. Фрэнсис Айвори стала далеко не первой, кто обнаружил, что с Йеном Александром Бриди спорить бесполезно. Она прошла в глубь сарая, стараясь придумать оправдание для своего появления, но остановилась, рассмотрев поистине необычную коллекцию, лежавшую между его крупными, квадратной формы ладонями. Она состояла из пятнадцати или двадцати узких и удлиненных предметов, начиная с обычного шампура для мяса и заканчивая затейливым складным ножом с костяной рукояткой.

Бриди дал Фрэнсис достаточно времени на осмотр, а потом внезапно направил луч фонарика ей в лицо. Ее реакция его разочаровала, он опустил фонарик и глубоко вздохнул:

– Я провел тщательный обыск в обоих ваших домах. Осмотрел каждую комнату, исключая спальню вашей бабушки. Вы не знаете, где еще может лежать холодное оружие такого типа, как это?

Фрэнсис взяла в руку длинный и острый нож с удобной ру-

кожаной, защищавшей пальцы от случайного пореза. Это был один из тех загадочных и, по ее мнению, совершенно бесполезных предметов, хранившихся в коробке вместе с рожками для обуви и старыми вязальными спицами.

– Это вы нашли у меня, – сказала она, готовая возмутиться обыском в своей комнате, но смущенная странным ощущением собственной уязвимости.

– Да, – кивнул Бриди. – Я достал коробку из ящика вашего платяного шкафа. Нож с виду слишком большой и острый. Я же разыскиваю нечто похожее, но только еще длиннее. – Он указал на складной нож. – Старик из местной мастерской поклялся, что более длинного ножа в жизни не видел, и у меня нет оснований считать его лжецом.

– Роберта убили чем-то подобным?

– Если честно расскажете, что здесь разнюхивали, то я, может, поделюсь с вами подробностями. В конце концов, они все равно попадут в сегодняшние вечерние газеты.

Фрэнсис не поняла смысла последней фразы. Оправдывал он таким образом свою профессиональную несдержанность или проявлял неумение выторговывать для себя выгодные условия?

– Я пришла сюда проверить, нет ли тут кого-нибудь… Или, точнее, чего-нибудь интересного, – ответила она после паузы.

– Вы сначала сказали «кого-нибудь». Уж не привидение ли в виде смуглолицего арапа?

– Какого арапа?

Детектив рассмеялся:

– Похоже, вы не слушаете, о чем сплетничает ваша прислуга. Тогда кого же вы искали? Случайно, не низкорослого рыжеволосого мужчину?

На сей раз он попал в точку и с удовлетворением отметил, как она переменилась в лице, когда был задан последний вопрос. Фрэнсис замерла. Это опытный следователь, напомнила она себе. Такой способен подловить жертву, загнать в ловушку и вынудить сделать опасное признание.

– Я точно пришла сюда не в поисках Генри Лукара, – заверила она. – Выкиньте эту мысль из головы. Даже если бы я пожелала увидеться с ним, а это маловероятно, то не стала бы назначать ему свидание в темной пристройке во внутреннем дворе. Я предположила, что если кто-нибудь крутился вокруг дома в ту ночь, то именно здесь мог спрятаться и незаметно наблюдать за зимним садом.

– Ах вот как. – Детектив развернулся лицом к Фрэнсис и задумчиво посмотрел на нее. – Значит, подобным образом вы рассуждали? Представьте, я тоже. Так и быть, сдержу данное вам слово. Покойный был убит ударом холодного оружия в область груди. Лезвие прошло между четвертым и пятым ребрами, а потом пронзило сердце. И клинок был на пару дюймов длиннее. – Он кивком указал на собранную коллекцию: – Все это коротковато, но я заберу с собой. Пока это все, что мне удалось обнаружить. Других улик нет. – Фр-

энсис не успела осмыслить только что услышанную информацию, когда Бриди склонился к ней ближе и тихо добавил:
– Я поступил с вами очень благородно, принимая во внимание факт, что вы не посчитали нужным упомянуть о своем присутствии в этом дворе той ночью, когда было совершено убийство.

Она изумленно уставилась на него. Сердце бешено застучало в груди. Ей поначалу даже почудилось, что гулкий стук слышен даже детективу.

– Откуда вы знаете? – Вопрос получился глупым, ведь он содержал в себе признание, и она сама поразилась, как легко сорвался он с ее губ, усугубив тревогу и испуг.

– Горничная вашей бабушки сообщила мне об этом.

– Доротея?

Бриди кивнул. Фрэнсис стояла перед ним, даже не представляя, как прелестно она выглядит, когда свет фонарика причудливо играет в ее волосах, освещая тонкие черты лица и тонкую, изящную шею. Доротея рассказала ему… А Доротею могла посвятить в такие подробности только сама Габриэлла. Странно, что бабушка поспешила передать инспектору столь незначительную деталь, если только у старухи не было на то особых причин. Или же Габриэлла кинула сыщику эту кость, желая скрыть от него нечто более важное.

– Что еще она вам поведала? – спросила Фрэнсис, немного успокоившись.

– Мне бы очень хотелось услышать эту историю от вас са-

мой.

– Хорошо. Я действительно приходила сюда той ночью. Подумала, что не следует вмешиваться в разговор Дэвида и Роберта, и потому спустилась во двор, чтобы проверить, смогу ли разглядеть их через окно. Они обсуждали мою помолвку, и у меня возник естественный интерес к тому, как протекает беседа.

– Да, интерес объяснимый, – сказал Бриди, и Фрэнсис показалось, что его губы сложились при этом в подобие легкой улыбки. – Как долго вы пробыли во дворе?

– Примерно минуту, может, две.

– Не дольше?

– Нет. Я вернулась в дом почти сразу. Я была… То есть меня кое-что испугало.

– Что именно? – вопрос прозвучал обыденно и непринужденно, но самой Фрэнсис рассказ о том, как приоткрылась дверь сарая, дался нелегко.

Получилось не слишком убедительно, но если Бриди ей не поверил, то ничем не выдал этого. Он сделал краткую запись ее показаний на оборотной стороне какого-то старого конверта, никак не прокомментировав их.

– Что вы увидели, заглянув в комнату через окно? – спросил Бриди.

– Дэвид и Роберт разговаривали, – Фрэнсис лгала об этом не впервые, и теперь ложь далась ей легко.

Рука Бриди замерла над бумагой, а его глубоко посажен-

ные глаза приобрели задумчивое выражение.

– Вы уверены, что видели обоих мужчин?

– Да.

– Они просто беседовали?

– Да.

Он вздохнул и убрал конверт в карман.

– Ладно, на этом пока все, – сказал Бриди. – Не смею вас больше задерживать, мисс Айвори. Спасибо за помощь. Кстати, забыл упомянуть об одной важной детали, когда описывал обстоятельства смерти покойного. На задней стороне его черепа остался след от удара, и еще один – на подбородке. Удар в челюсть был нанесен с такой силой, что тот, кто нанес его, скорее всего повредил себе руку. В последнюю неделю вы не раз виделись с Генри Лукаром, который теперь пропал. Не заметили ли вы каких-либо ссадин у него на руках?

В вопросе детектива таился откровенный подвох, и Фрэнсис сообразила, что ее заманивают в ловушку. Детектив-инспектор Бриди все-таки соответствовал описанию, какое мог бы дать сам себе: «Я далеко не тугодум, как вам может показаться на первый взгляд. В этом у вас не должно возникать никаких сомнений».

– Нет, не заметила, – ответила она так холодно, что трудно было понять, делает ли она усилие, чтобы сдержаться, или же просто не одобряет его хитроумных уловок. – На подобные вещи я вообще едва ли обратила бы внимание.

Бриди философски воспринял неудачу с коварно задан-

ным вопросом.

– Видимо, вы правы, – промолвил он, а потом, дождавшись момента, когда Фрэнсис собиралась выйти из двери, неожиданно добавил: – Он сейчас в доме, если хотите знать. Прибыл минут сорок назад и направился к вашей сестре. То есть, простите, к вашей сводной сестре.

Фрэнсис изумленно повернулась к нему:

– Лукар?

– Нет. – Бриди не сводил с нее пристального взгляда. – Лукар все еще скрывается от нас, простофиля безмозглый. Я говорю о вашем женихе, мистере Филде. Вы не заметили его присутствия здесь этим утром? Мне показалось странным, когда он приехал и направился к миссис Мадригал. Но еще более странно, что она согласилась принять его. Но я больше не стану вас задерживать. Вам наверняка не терпится поскорее увидеться с ним. А на меня не обращайте особого внимания. Целый день я буду то уезжать, то снова возвращаться.

Глава 8

Оказалось, что возможно пересечь двор и подняться по двум пролетам железной лестницы, не осознавая своих действий. Даже если бы Фрэнсис прибыла к спальне Филлиды на волшебном ковре-самолете, она и это едва ли заметила бы. До такой степени ею овладел страх. Хорошо еще, что она не ощущала ревности. Если бы к ее чувствам примешивалась столь сильная эмоция, она никогда не решилась бы ворваться к ним так бесцеремонно. Но сейчас она боялась за Дэвида и боялась самого Дэвида. Фрэнсис даже не постучала, а просто распахнула дверь и сразу вошла.

При свете дня современная роскошь комнаты показалась вызывающей. Деревянные панели отделки и мебель в стиле времен регентства придавали спальне чрезмерно элегантный вид, призванный произвести на посетителя ошеломляющее впечатление. Дэвида и Филлиду она застала в позах персонажей картины. Их фигуры отчетливо вырисовывались на фоне богатых и теплых тонов окружающей обстановки. Они сидели по противоположные стороны узкого стола орехового дерева, позолоченный телефонный аппарат стоял между ними. Длинный подол клетчатого зеленого домашнего халата Филлиды ниспадал на пол. Ее руки лежали на столе, и она склонила на них голову с выражением неприкаянности и отчаяния на лице. Дэвид держал ее за запястья. Его руки бы-

ли сильными и мускулистыми по сравнению с нежной прозрачностью кожи молодой женщины. Он привстал из своего кресла и в целом являл собой застывшее воплощение сочувствия и горячего стремления помочь.

Все это длилось несколько секунд. Еще до того, как дверь закрылась, Дэвид поспешно поднялся, сунул руки в карманы, а его лицо, такое некстати привлекательное для Фрэнсис, сделалось мрачным и смущенным. Филлида медленно выпрямилась и посмотрела на сводную сестру большими, глубоко запавшими бледно-голубыми глазами. Никто не произнес ни слова. В полном молчании прошла почти минута, которой Фрэнсис хватило, чтобы многое понять. Во-первых, она застала эту пару наедине, а во-вторых, они делили между собой некий секрет, в который не собирались посвящать ее. Но, пожалуй, самое сильное потрясение принесла мысль, что не существовало ни малейшей причины, почему все не могло происходить именно так. В конце концов, у нее не было оснований считать Дэвида своей собственностью. Их помолвка являлась лишь формальным актом и отнюдь не предусматривала соблюдение верности друг другу.

Накатившая на нее волна разочарования и одиночества имела, однако, и целебный эффект, вернув способность мыслить здраво. Фрэнсис покраснела, смутившись.

– Простите меня, – начала она. – Мне следует немедленно удалиться или…

Фраза осталась незаконченной. Они совершенно не обра-

щали на нее внимания, зато внимательно смотрели на телефон. И вскоре он зазвонил. Филлида протянула руку и сняла трубку. Ее лицо позеленело, губы плотно сжались, глаза закрылись.

– Слушаю, – хрипло произнесла она.

Фрэнсис украдкой бросила взгляд на Дэвида. Он наблюдал за Филлидой с такой же тревогой, с какой один водитель смотрит на другого, когда тому грозит неминуемая и очень опасная авария.

– Слушаю, – повторила Филлида, и слово прозвучало почти неразборчиво. – Да! Это я… Филлида! О, мой дорогой, не стоит! Не надо так беспокоиться! Что? Я в порядке, в полном порядке! Я просто… – она почти кричала, после чего замолчала, а из телефона доносились возбужденные потрескивающие звуки. – Когда?

Ужас в ее голосе поразил и Фрэнсис, и Дэвида. Ее глаза неестественно округлились.

– Так скоро? Понимаю… Да, я очень рада. Разумеется, рада. Конечно же… До свидания… До свидания, милый…

В телефоне раздался щелчок, но она продолжала сидеть и смотреть перед собой. Дэвид забрал трубку и положил ее на место.

– Ты ни о чем ему не рассказала, – обратился он к Филлиде с упреком.

Женщина покачала головой и расплакалась. Дэвид принялся расхаживать по комнате, позвякивая мелочью в кар-

мане настолько нервно и раздраженно, что этот контраст с его обычной вальяжной манерой поведения удивил Фрэнсис.

– Тебе следовало сделать это! – бросил он через плечо. – Другого выхода нет. Когда он будет здесь?

– В четверг, – в устах Филлиды дата прозвучала объявлением конца света.

– Значит, на следующий день после Мейрика? Вообрази, что случится, если они вдруг встретятся в поезде и новости ему сообщит старик.

– Прекрати, Дэвид! Перестань! Я не вынесу этого. Не вынесу, не вынесу, не вынесу!

Ее речь прервали бурные рыдания. Филлида оперлась руками о стол и лила слезы в таком самозабвении, что на нее нельзя было посмотреть без содрогания. Хотя при иных обстоятельствах над ее нелепой позой стоило бы, вероятно, посмеяться. Дэвид перестал слоняться из угла в угол, подошел к ней, ухватил под руки и резко заставил встать из-за стола.

– Хватит! – воскликнул он. – Останови свою истерику, Филлида. Хватит слез, ты меня слышишь? Ложись на диван и успокойся. Сейчас ты уже ни на что больше не способна.

Он помог ей улечься на кушетку, взял скомканное покрывало и набросил сверху.

– Поспи. После всего этого тебе захочется спать уже через минуту. Отдохни, а потом, пожалуйста, наберись смелости.

Такая жестокость был уместной в сложившихся обстоятельствах. Истерика, устроенная миссис Мадригал, посте-

пенно прекратилась, уступив место чуть слышным всхлипам. Она лежала, спрятав лицо в подушку, а волосы разметались по шелку наволочки. Дэвид ненадолго замер над ней. Постепенно его напряжение спало, легкая тень привычной улыбки промелькнула в уголках глаз, хотя выражение лица оставалось серьезным и сочувствующим.

– Бедняжка, – промолвил он. – Бог свидетель, мне действительно очень жаль.

Филлида не двигалась, и Дэвид повернулся к двери. У Фрэнсис складывалось впечатление, что ее присутствия он вообще не замечал. На протяжении всей этой непонятной сцены он ни разу не посмотрел на нее, но сейчас, уже направляясь к выходу, неожиданно протянул руку и притянул ее к себе, крепко ухватил за талию и увлек за собой в коридор.

– Хорошее же время ты нашла, чтобы ворваться сюда!

– Простите, но я понятия не имела…

Дэвид убрал руку с талии Фрэнсис и мягко склонил голову чуть набок.

– Не надо извинений, дорогая. Пожалуйста, прошу, во имя Христа и всех его апостолов, оставь это. Это был Долли Годольфин. Перед твоим приходом нас предупредили с телефонной станции, что он в любой момент может позвонить Филлиде. Отсюда и нервное напряжение. Только богу известно, откуда поступил звонок. Забыл спросить у этой несчастной девицы. Вероятно, из Басры, если он действительно собирается попасть сюда уже послезавтра. Пойдем ку-

да-нибудь и выпьем. Мне это сейчас необходимо, даже если ты не хочешь.

– Не хочу. Не сейчас.

– Почему? Моя милая девочка, ты же не можешь день и ночь торчать в этом отвратительном доме! Рано или поздно сама получишь нервный срыв. И тоже закатишь истерику. Нужно выбраться отсюда, хотя бы на десять минут. Конечно, тому типу из полиции, который непрерывно преследует меня по пятам, как собачонка, тоже придется прогуляться, но я не вижу оснований волноваться за него.

– Значит, за вами уже установили слежку? – воскликнула Фрэнсис, и Дэвид поднял брови в удивлении.

– Прелесть моя, ты так бледна и трепетна. Ну разве это не очаровательно? Твое общество и льстит такому старику, как я, и заставляет чувствовать себя глуповато. Пойди и надень шляпку. Прошу, не забывай, что с каждой секундой, проведенной с тобой наедине, виноградная лоза любви, обвивающая мое сердце, вырастает еще на полдюйма.

Если Дэвид и насмехался над ней, то едва ли намеренно, а на его высоких скулах проступила несвойственная им обычно краска смущения. Они стояли на просторной полутемной лестничной площадке, окруженные закрытыми дверями, за каждой из которых набирала силу нешуточная драма. Фрэнсис физически ощущала эту мрачную и полную скрытых эмоций атмосферу, все более таинственную и нестерпимую.

– Нет, Дэвид, – решительно отозвалась она. – Я не желаю

никуда идти.

Он положил ладони ей на плечи и посмотрел в глаза. Позднее, вспоминая этот момент, она так и не смогла понять, была ли его улыбка лукавой, презрительной или застенчивой.

– Выйдешь за меня замуж уже сегодня днем? – вдруг спросил Дэвид.

– Но зачем? – Фрэнсис была достаточно юной и неопытной, чтобы задать подобный вопрос в неподходящей обстановке.

Дэвид скорчил гримасу:

– Все дело в смазанной йодом руке. По английским законам, жена не может давать показаний против мужа. Это откровенность, на которую ты сама напросилась, дорогая. Пойдешь со мной обедать или нет?

В зале роскошного ресторана «Биарриц» с его геранями, турецкими коврами и почти домашней обстановкой произошел небольшой, но неприятный инцидент. На входе Дэвида задержал для разговора какой-то едва знакомый ему мужчина, и Фрэнсис вошла в зал одна. Бертрам, метрдотель, сколотивший себе целое состояние на том, что встречал каждого клиента с такой сердечностью, словно служил в его семье с самого детства, подыскал ей столик у окна с видом на Пикадилли. Она едва успела удобно устроиться за ним, как заметила знакомую даму, двигающуюся по проходу в ее сторону во главе небольшой компании. Это была Маргарет Фай-

шер-Спридж с группой приятельниц, только что освободившихся после одного из своих многочисленных общественных дел. Фрэнсис улыбнулась ей, как принято улыбаться человеку, которого знаешь всю жизнь, но в ответ увидела целую гамму сменявших друг друга неприязненных выражений на узком, слегка смахивавшем на попугая лице. Сначала последовала кривая усмешка, потом притворное удивление при встрече, сменившееся плотно сжатыми губами и жестким взглядом. Миссис Спридж прошла мимо.

С Фрэнсис впервые обошлись подобным образом, но она поняла, что ей придется привыкать к такому отношению. Вежливые телефонные звонки, непрерывно раздававшиеся в их доме еще вчера, сначала стали редкими, а затем и вовсе прекратились. Она замерла в кресле, уши горели от стыда. Когда явился Дэвид, он выглядел злым.

– Проклятый репортер! – воскликнул Дэвид, усаживаясь напротив Фрэнсис. – Вынудил меня чуть ли не подписать письменное признание. Они причиняют вам беспокойство в доме?

– Нет. Полицейские сами общаются с ними.

– Да, конечно. Да благословит Господь законы, карающие за клевету и неуважение к суду. А с тобой что стряслось?

Она рассказала о случившемся, а он внимательно слушал.

– Покажи мне ее, – попросил Дэвид, оглядываясь по сторонам. – Вон та старая щука? Не обращай внимания. Представь ее в голом виде. – Он ухмыльнулся, наклонился вперед

и накрыл ладонью руку Фрэнсис. – Лучшего средства не существует. Если тебя оскорбляет подобная рыбина, вообрази ее со снятой чешуей. Помогает забыть любые обиды.

Сейчас он защищал ее как ребенка, и Фрэнсис оставалось лишь удивляться, почему ей это нравится.

Обед не доставил им удовольствия, хотя обслужили их быстро. Фрэнсис заметила неловкость в поведении Дэвида, которую не способно было скрыть даже его напускное хорошее настроение. О Филлиде он не упомянул ни разу, а она сама тоже не хотела затрагивать эту тему.

Наконец подали кофе, причем значительно позднее, чем десерт, а вокруг уже крутилась пара официантов, вежливо, но откровенно дожидаясь, когда они закончат трапезу. Дэвид подвинул к Фрэнсис свой портсигар, пристально наблюдая за ней из-под длинных ресниц.

– Долли вернется домой в четверг, – тихо произнес он. – Нам предстоит пережить настоящую бурю, герцогиня. Так что застегни плотнее свою штормовку и приготовься достойно встретить ураган.

– Что вы имеете в виду?

Дэвид откинулся на спинку кресла, продолжая смотреть на нее.

– К дьяволу всех этих старых щучек! – внезапно воскликнул он. – Где находилась ты сама, когда Долли раньше навещал вас?

– По большей части в Швейцарии, где заканчивала школу.

Но я, конечно же, виделась с ним.

– Разумеется, – кивнул Дэвид. – Такого трудно забыть. Яркая птица. Никогда не встречал мужчину столь жизнелюбивого и склонного к романтике. Вот и сенсационное возрождение из мертвых типично для него. История поразительная, а венчает все налет сверхъестественности, чтобы довершить героическую картину.

Они немного помолчали, вспоминая рассказы о гибели Годольфина, потрясшие весь мир. Словно вновь повторился случай с пропавшей экспедицией Скотта. Трое белых мужчин в сопровождении группы туземцев оказались отброшены назад непреодолимыми препятствиями, когда уже видели вдалеке свою цель – разрушенный лавиной ламаистский монастырь Танг-Кинг, нависавший над склоном высокой горы. Стихийное бедствие сделало невозможным восхождение, спуск вниз стал опасным. Роберт уже заболел, а туземцы были перепуганы и почти вышли из подчинения. Трагедия стала неминуемой, когда сам Годольфин сломал берцовую кость, преодолевая особенно коварную расщелину. Еще два дня они с огромным трудом продолжали путь, по очереди неся раненого вдоль узкой и почти невидимой тропы. На третью ночь разбили лагерь на краю обширного снежного поля, и в наступившей темноте Годольфин пропал. Деться ему было некуда, за исключением заснеженной пропасти, причем даже туда он смог бы попасть лишь чудом. Туземцы совсем потеряли головы от суеверного страха, а двое остававшихся

в живых белых, так и не получив ответа на свои крики и призывы, осознали самоубийственность любых попыток спасения товарища, посчитали его поступок сознательной жертвой и продолжили возвращение одни.

Дэвид покачал головой.

– Неподражаемо, – подвел итог он. – А затем чудо, какое могло случиться только с ним. Все не так уж и плохо, леди. Совсем не так уж и плохо.

Фрэнсис резко выпрямилась в кресле. Обед и смена обстановки вернули ей уверенность в себе, и теперь она чувствовала разочарование в Дэвиде.

– Да забудьте вы о Годольфине! – сказала она не допускавшим возражений тоном. – Если разобраться, то это самая мелкая из возникших проблем! Просто вы позволили Филлиде вовлечь себя в глупейшую сентиментальную историю, которая могла бы иметь трагические последствия в обычных обстоятельствах, но сейчас выглядит совершенно дурацкой. Не будьте безумцем. Не притворяйтесь слепым. Я знала, что Филлида никогда не любила Роберта, и это нам только на руку. Но, кажется, она до сих пор не осознала важнейшего факта. Роберта кто-то убил, Лукар сбежал, но… полицию Лукар почему-то интересует гораздо меньше, чем следовало бы. Неужели вы не замечаете, романтичная вы человекообразная обезьяна, что их в гораздо большей степени интересуете вы?

Дэвид сидел неподвижно, и Фрэнсис вдруг вспомнила, что

именно так он выглядел, когда она видела его сквозь окно из темноты двора… Совершенно лишенное всякого выражения лицо, и глаза, устремленные куда-то вниз.

После паузы он произнес фразу, какую она ожидала услышать меньше всего. Проницательную и непростительную:

– Ревнуешь, мой утеночек?

Фрэнсис не выдержала, вскочила и бросилась к выходу. Позднее, когда она уже забыла о нервном напряжении, в каком находилась тогда двадцать четыре часа подряд, ее саму удивила подобная потеря контроля над собой.

Дэвид догнал ее на перекрестке у парка Сент-Джеймс. Он ничего не сказал, а просто зашагал с ней рядом. В исполненном горечи молчании они шли сквозь праздную толпу, минуя старинные и дорогие магазины, где в витринах красовались эксклюзивные образцы сапог для верховой езды, картины и затейливые ювелирные изделия. Словом, все призванное привлечь внимание толстосумов с двух континентов. Вскоре шумные улицы остались позади, и они добрались до исполненной благородной тишины Саллет-сквер.

Газетные фотографы перехватили их, когда они проходили мимо дверей пустовавшего дома на углу. Дэвид ухватил за руку Фрэнсис, побледневшую от неожиданности и испуга, и быстро повел за собой. Его губы сжались, а глаза потемнели от гнева. Несколько зевак болтались на площади – молчаливые, сдержанно любопытные фигуры, видневшиеся при скудном ноябрьском свете. Их вяло пытался прогнать ску-

чавший без дела полицейский констебль. Одна из женщин запала в память Фрэнсис: она стояла на краю тротуара, располневшая и бесформенная, в шляпке по прошлогодней моде, держа корзинку для покупок, и жадным, но в то же время апатичным взглядом всматриваясь в зашторенные окна дома 38, которые, как лица хорошо воспитанных людей, не показывали внешнему миру признаков творившегося внутри ужаса.

Мисс Дорсет встретила Фрэнсис и Дэвида в холле, и ее жалкий облик с покрасневшим носом и налитыми влагой глазами сразу отвлек их от собственных проблем. Она вывалила на вошедших все свои огорчения. История оказалась простой, но с вероятными катастрофическими последствиями. Мейрик застрял в Бриндизи. Произошла одна из тех случайностей, которые всегда возможны, если путешествуешь по Востоку, но почему-то их никогда не предскажешь. В самолете оказался больной желтой лихорадкой, а потому все, кто находился на борту, включая и пассажиров, и экипаж, оказались запертыми в зоне карантина итальянского порта. С этим ничего нельзя было поделать, никто не мог помочь выбраться оттуда. Мейрик попал в плен по меньшей мере на две недели.

– По телефону его голос звучал огорченным, – расстройство сделало тон мисс Дорсет заунывным. – Он только что узнал новости о смерти Роберта. Мне показалось, его сразит сердечный приступ, нашего бедного Мейрика. Какое же

страшное возвращение домой его ожидает!

Фрэнсис посмотрела на нее в растерянности. Эта внезапная задержка в самый разгар обрушившихся на них бедствий, казалось, окончательно лишала всех надежды. Только теперь она поняла, до какой степени рассчитывала на быстрое возвращение Мейрика и на магический эффект его умения взять все в свои руки. Потаенная убежденность, что уже завтра все придет в полный порядок, помогала ей держаться, выносить любые тяготы. Теперь же Фрэнсис снова оставалась в прежнем положении и в отчаянном, непереносимом одиночестве.

Голос мисс Дорсет, обращавшейся к Дэвиду, вывел ее из задумчивости.

– Миссис Мадригал сообщила, что вы согласились позаботиться обо всем вместе с адвокатом Уортингтоном. Я так рада, – она говорила на полном серьезе. – Я бы сама занялась делами, разумеется, но подобные вещи требуют участия мужчин. Даже не знаю почему, но это так. Вероятно, сказывается сила традиций. Я только сейчас поняла, насколько быстро все будет происходить. Предварительное заседание, назначенное на сегодняшнее утро, пришлось перенести. Думаю, мистер Бриди даже не собирался являться туда. Вероятно, он заранее знал, что произойдет. Патологоанатом позвонил, пока вас не было. Боюсь, теперь все состоится не раньше, чем послезавтра.

Дэвид нахмурился. Фрэнсис видела это, стоя рядом с ним.

Его волосы растрепались, а тонкие черты лица, такие чувственные, но в то же время мужественные, выражали неудовольствие и сожаление.

– Вы имеете в виду похороны? – спросил он. – Уже послезавтра? По-моему, они слишком торопятся.

– Нет, я не об этом, – смутилась мисс Дорсет. – Было произведено… вскрытие, и патологоанатом высказал предположение, хотя и в самых осторожных выражениях, что…

Она замолчала, но Дэвид уже кивал, показывая, насколько ему все ясно.

– Я напрочь забыл о некоторых вещах. Что ж, хорошо. Я возьму на себя проблемы. Отправлюсь к мистеру Уортингтону прямо сейчас. Но стоило бы хранить многое в секрете, правда? Действовать придется деликатно. Тихо, без излишней огласки.

– Да. Нужно проконсультироваться со старой миссис Айвори, но тоже аккуратно. Я пойду к ней, если только вы не пожелаете заменить меня, мисс Фрэнсис.

– Идите вы. Я поднимусь позднее. Мне надо сначала поговорить с мистером Филдом.

Она дождалась, когда мисс Дорсет ушла, и направилась в комнату для завтрака. Дэвид последовал за ней, держа руки в карманах и опустив плечи.

– Филлида сама попросила меня об этом, – произнес он. – Кто-то же должен помочь бедной девушке, хотя это трудная задача.

Фрэнсис показалось важным не то, что эти слова прозвучали как извинения, подразумевая тем самым необходимость оправданий с его стороны, а то, что они задели ее. Она пыталась выкинуть из головы личный аспект их отношений посреди стольких иных проблем, но ничего не могла поделать и покраснела.

– Послушайте, Дэвид, – сказала Фрэнсис, – похоже на то, что все пошло наперекосяк, если иметь в виду наше с вами положение. На прошлой неделе, когда вы проявили ко мне потрясающую доброту и сделали свой невероятно благородный жест, ни вы, ни я еще не предполагали, какие испытания ждут нас впереди. Не хотите ли теперь разорвать нашу с вами шутовскую помолвку? Пусть это выставит нас в глупом свете перед всеми, зато поможет избавиться от многих проблем. Я чувствую себя так, будто втянула вас в неприятную и запутанную ситуацию, ставшую угрожающей, постыдной и, кажется, еще более скверной уже в недалеком будущем.

Она старалась смотреть ему прямо в глаза, но уже после первых ее слов Дэвид отошел к окну и стоял, глядя сквозь тюль на площадь перед домом.

– Я считаю, вам следует поступить именно так, – добавила Фрэнсис.

При этом она понятия не имела, чего ожидать от него, сама не была уверена ни в чем, кроме искренности своего предложения. Девушка думала, что Дэвид высмеет ее, но он молчал.

– Вы еще можете отойти в сторону, – продолжила Фрэнсис. – Вдвоем мы станем парой прокаженных для всех завсегдатаев Пиккадилли, я уже почувствовала это. Не нужно проявлять верность своему слову и держаться за наш уговор. Покиньте меня, пока сами не заразились.

– Именно этого мне и хотелось, – сказал Дэвид. – Нет ничего, к чему я стремился бы сильнее.

– Что ж, тогда уходите!

Он рассмеялся и подошел к ней:

– Милая, ты очаровательна. Для тебя все элементарно, лишено помех, а тропинка лежит среди поляны, покрытой фиалками. Никаких сложностей и запретов. Ты воплощение девичьей наивности и простодушия. В наши дни это редкость и потому так привлекает меня. Все верно. Настал момент, чтобы старый пройдоха унес отсюда ноги. Однако посмотри, пожалуйста, вот туда.

Дэвид подвел Фрэнсис к окну и указал на одинокую фигуру, со скучающим видом присевшую на металлическое ограждение тротуара площади.

– Видишь его? – спросил он. – Служебные башмаки и прочие приметы полисмена в штатском. Если я выйду из дома, он сразу последует за мной. Для меня этот момент не лишен символизма. Впервые в жизни я оказался в капкане, герцогиня.

Рука Дэвида лежала на ее плече, и на мгновение Фрэнсис почувствовала, как его пальцы сжались.

– Но, если бы его там не было, вы бы ушли? – спросила она.

– Господи, да я улетел бы, как на крыльях!

Глава 9

К всеобщему удивлению, Габриэлла не устранилась от организации похорон, в ее мнении по этому поводу отчетливо проступил викторианский инстинкт социального самосохранения.

– Тихо? – возмущенно переспросила она, сидя в кресле, где неизменно располагалась после обеда. – В такие-то времена? Не смешите меня. Мы ни в коем случае не должны признавать, что в нашей семье случилось нечто скандальное. Наш несчастный никчемный родственник умер, но в наших же интересах похоронить его достойно, по правилам. А если несколько охотников за сенсациями крутятся рядом с домом, то не бойтесь подкинуть им что-нибудь для отвлечения внимания.

Она неодобрительно отнеслась к участию Дэвида в организации дел и прямо заявила ему об этом, но поскольку его имя уже сообщили поверенным семьи, ей пришлось согласиться, что его отстранение вызовет еще больше кривотолков. После чего Габриэлла провела с Дэвидом, Уортингтоном и хозяином похоронной конторы почти час, запершись у себя в спальне.

Некоторые ее решения были устаревшими, но Фрэнсис, неофициально назначенная помощницей Габриэллы, скоро поняла, сколько здравого смысла крылось за внешней аб-

сурдностью кодекса общественного поведения, зародившегося еще в прошлом веке. Она исполнила все, что ей велели, купив черные одеяния для себя, Филлиды и домашней прислуги. Вместе с мисс Дорсет разослала приглашения и инструкции относительно цветов для церемонии тем, кто заслуживал получения подобных посланий.

Траурные приготовления в значительной степени усугубили гнетущую атмосферу в доме. Переодетые в штатское полисмены, дежурившие на площади, помогали вносить венки в вестибюль, и инспектор Бриди с его вечно горевшими огнем глубоко посаженными глазами, казалось, навсегда пропах ароматом лилий. Немного напуганные продавщицы из магазина дамского платья вместе с принесенными манекенами были препровождены в комнату Габриэллы, где она заставила их маршировать перед собой в роскошных траурных нарядах, пока не убедилась, что ее внучки окажутся одеты подобающе случаю.

Но при этом никто не плакал. Все происходило с угрюмой целеустремленностью и стойкостью.

Вечером накануне погребения Фрэнсис с охапкой черного шифона в руках столкнулась с Дэвидом у двери комнаты Филлиды. Дом источал запахи цветочного магазина, и присутствие смерти в нем ощущалось теперь даже более отчетливо, чем в то утро, когда труп Роберта обнаружили в зимнем саду.

Дэвида заметно потряхивало. Он будто стал моложе, а

взгляд выдавал его беззащитность и уязвимость.

– Все как-то архаично. Даже отвратительно. Если бы нашелся человек, который действительно любил покойного, он бы просто разозлился. Кстати, ты уже слышала? Они установили местонахождение Лукара. Новость мгновенно попала на первые полосы газет. Он прислал телеграмму откуда-то из-за Атлантики. Между тем полицейские слоняются по всему дому, трутся с тобой плечами на лестнице, приветливо встречают в коридорах, однако ни о чем не рассказывают. Вероятно, так им положено, но это нервирует. Впрочем, кого волнует Лукар или кто-либо другой, пока в доме царит хаос? Обычно при подобных обстоятельствах мы оказались бы близки к истерике, но поскольку повсюду разыгрывается пантомима в постановке бабушки, все приобретает размытые очертания.

Фрэнсис с ним согласилась. Она очень устала, за последние несколько дней ее прелестное лицо осунулось, но это только придавало ему хрупкости и утонченности черт.

– Не поддавайся унынию, – продолжил Дэвид. – Не позволяй этой эфемерности глубоко проникнуть к себе в душу. Пойми главное: старушка организовала похороны мудро. Вот что самое поразительное. Здравый смысл. В какой-то степени даже проявление гениальности. Все двери остаются открытыми. Люди, которые пока не понимают, чем обернется ситуация, могут просто прислать цветы, однако воздержаться от участия в похоронах. Так они спасут свое лицо

в любом случае. Если каким-то чудом дурной душок этого происшествия сам по себе развеется, дружеские отношения можно будет восстановить без труда… А если нет… – Казалось, подобный поворот событий тревожил его, потому что он посмотрел на дверь спальни Филлиды и нахмурился. – Зайдешь к ней? Мне бы хотелось, чтобы ты зашла.

В заботе Дэвида о состоянии другой женщины сквозила личная заинтересованность. Фрэнсис попыталась внушить себе, будто разделяет его чувства, но одновременно ощутила старый как мир укол в сердце, какой всегда получают представительницы слабого пола, понимая победу соперницы, пусть даже мнимой.

Дэвид тоже осознавал неловкость положения:

– Я провел вместе с ней весь вечер. И мне все еще кажется, что ее нельзя оставлять в одиночестве.

– Я побуду с ней.

Но тон Фрэнсис с головой выдал ее, как и направленный мимо Дэвида взгляд. На мгновение она смогла разглядеть его без маски безразличия. Он предстал перед ней совершенно беспомощным, а выражение лица неожиданно стало умоляющим.

– Прояви милосердие, покажи свое золотое сердечко, герцогиня, – сказал Дэвид.

Позднее Фрэнсис осознала, что именно в тот момент они, как никогда прежде, оказались близки к пониманию друг друга. Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге появи-

лась исхудавшая Филлида Мадригал.

– Шепот, – произнесла она едва слышно. – Шепот за моей дверью. Он доносится непрерывно. Я больше не могу выносить этого. Почему бы вам просто не войти?

– Прости, дорогая. Я даже не догадывалась, насколько близко к твоей двери мы стояли. – Фрэнсис поспешно вошла в спальню. – Послушай, Габриэлла говорит…

Закончить фразу ей не удалось, потому что Филлида выхватила свое платье из ее рук и швырнула на кресло. Она вся дрожала, а цвет домашнего халата лишь подчеркивал зеленый оттенок ее лица.

– Вряд ли мне когда-нибудь снова понадобится вечернее платье! – воскликнула Филлида. – Так и передай Габриэлле! И еще передай…

Ее губы словно свело, и она лишилась дара речи. Фрэнсис обняла сестру.

– Присядь, – попросила она. – Извини, что мы беседовали прямо под твоей дверью. К черту разговоры об одежде! Как ты понимаешь, Габриэлла слишком стара, у нее вздорный характер. Все это ужасно и неприятно, но нам необходимо собраться и пройти через испытания с достоинством.

– Пройти через испытания? – Филлида опустилась в кресло и сгорбилась, словно пожилая женщина. – Пройти через испытания… – повторила она.

На улице снова поднялся сильный ветер, налетавший на стены дома внезапными и коварными порывами. Он не об-

ладал ураганной мощью, как той знаменательной ночью, но это был тот же ветер, раздражительный и злой, уподоблявшийся враждебному живому существу, стремившемуся вломиться внутрь.

Фрэнсис опустилась на колени перед камином, вслушиваясь в вой ветра, мешавший ей сосредоточиться на своих мыслях.

– Шепот, – неожиданно произнесла Филлида, – проклятый шепот повсюду. Он действует мне на нервы. Я становлюсь похожей на Роберта, воображая то, чего нет в действительности. Фрэнсис, тебе когда-нибудь хотелось умереть? Я имею в виду серьезно, а не пустые слова, какими мы часто разбрасываемся. Тебе доводилось хотя бы однажды сидеть и желать смерти? Думать, хватит ли у тебя смелости убить себя?

– Да, – без колебаний ответила Фрэнсис, хотя все ее инстинкты взывали сейчас к осторожности в выражениях. – Да, меня посещало такое желание, но ненадолго. Проходит день, за ним минует ночь, затем другая. И от желания смерти не остается и воспоминания. В этом заключено милосердное спасение для каждого из нас. Стремление умереть не может быть продолжительным.

– А меня оно не покидает. – Филлида сама перешла на шепот, и, вероятно, впервые в жизни эта ее причуда не была призвана произвести театральный эффект. – Ты ведь помнишь Долли?

Фрэнсис смотрела на нее с разочарованием. Если бы Филлида подобным образом решила оплакать смерть Роберта, ее слова можно было выносить спокойно, но осознание, что она охвачена романтическим возбуждением, вызывало отвращение и неловкость.

– Да, конечно, – сухо произнесла Фрэнсис.

– Я помню о нем все. – Ее голос звучал хрипло, и она понизила его настолько, что он стал едва разборчивым. – Он обладал такой силой, Фрэнсис, невероятной силой! И завтра он уже будет здесь. После похорон отзвонят колокола, донесется шепот и шаги из коридора, а он будет тут.

Фрэнсис с трудом поднялась.

– Ложись в постель. Прими аспирин и постарайся поспать. Ты доведешь себя до безумия, дорогая. Ты и так уже истощена.

Но Филлида не слушала. Ее лицо выглядело отталкивающим при ярком электрическом свете.

– Мне страшно! – внезапно выпалила она. – Я ничего не могу понять, Фрэнсис. Как ты считаешь, Дэвид мог продолжать любить меня на протяжении всех этих лет?

– Дэвид?

– Да. Он же был влюблен в меня когда-то. А я обошлась с ним пренебрежительно. Но некоторым мужчинам даже нравится, если ими пренебрегают. Они начинают по-своему уважать тебя и запоминают на всю жизнь. А если он относится к тому типу людей, которые скрывают свою сентименталь-

ность, то мог… Нет, это было бы ужасно. Что же мне делать? Что, черт возьми, мне теперь делать?

– Перестать беспокоиться. – Фрэнсис знала, что дает жестокий совет, но другого она не знала.

Филлида покачала головой:

– Здесь речь не просто о беспокойстве. Предположим, Дэвид как-то выяснил, что Долли спасется. Вообразим, он обладает даром предвидения. Допустим, Роберт рассказал ему то, о чем рассказал мне. – Последняя фраза явно испугала ее, потому что она прикрыла рот ладонью. – Нет, я тебе ничего не говорила! – Ее тон сделался по-детски истеричным: – Не говорила! А ты не слышала!

Фрэнсис позвонила в колокольчик.

– Я позову сюда Доротею, и мы вместе уложим тебя в постель. Ты постараешься заснуть. Это лучшее, что можно сделать. Ты сойдешь с ума, если продолжишь в том же духе.

– Так ты не поверила мне?

– Как ты и утверждала сама, я вообще ничего не слышала. Хочешь принять ванну? Я могу приготовить ее для тебя.

Филлида продолжала рыдать, когда они заставили ее лечь, и старая Доротея посидела рядом, пока хозяйка не уснула. Утром, к огромному облегчению и удивлению всех в доме, Филлида успокоилась. Она рано спустилась вниз, внимательно оглядела цветы и даже промолчала, когда в ее присутствии залилась слезами миссис Сэндерсон. Тем утром Фрэнсис впервые увидела ее замершей перед внушительных раз-

меров венком, присланным служащими галереи. Она стояла с высоко поднятой головой, а в ее глазах не отражалось никаких эмоций.

Похороны стали тем невероятным, но живописным кошмарным сном, какие иногда происходят наяву и служат напоминанием, что в мире не существует абсурда, который не может случиться в реальной жизни. Взять хотя бы тот же ветер. Он приобрел почти ураганную мощь, хотя продолжал налетать неожиданными порывами. Ветер неудержимо кружился по площади, мучая и почти ослепляя людей, норовя сорвать с голов шляпы и задрать женщинам юбки, заставляя беспокойно ржать лошадей, приводя в беспорядок цветы. Вполне в характере Габриэллы было настоять именно на конном катафалке. Ни один похоронный автомобиль не в состоянии придать церемонии мрачной торжественности шестерки чалых коней с серебряной упряжью и с черными плюмажами, не говоря уже о звучном перестуке подков. Плюмажи стали личной инициативой владельца похоронного бюро. Это был пожилой мужчина, умевший распознать с первого взгляда достойную представительницу Викторианской эпохи. И он искренне сожалел о том, что постепенно уходила в прошлое помпезная роскошь, какой надлежало окружать любую смерть. В этот раз украшения из перьев на конских головах вновь обрели право на существование, и, пожалуй, впервые за послевоенное время жители Лондона получили возможность понять, как должно быть обставлено настоящее

погребение. Плюмажи гордо высились не только поверх голов коней, но и на крыше катафалка, где их закрепили в специальных серебряных гнездах. Раскачиваясь под порывами ветра, черные перья напоминали пучки гигантских пальмовых листьев. Ветер заставлял их трепетать еще более красиво и триумфально. Катафалк ожидал напротив окон столовой, где Роберт Мадригал возлежал в ожидании последнего визита друзей.

Впрочем, посетителей оказалось немного. Цветы доставляли в огромных количествах, но толпа модной публики отсутствовала. Хотя в плакальщиках недостатка не ощущалось. Событие освещала пресса. УБИЙСТВО ЭКСПЕРТА ЖИВОПИСИ: ПОХОРОНЫ – гласили рекламные щиты продавцов вечерних газет на Пиккадилли, а площадь заполнилась хмурыми зеваками, никто из которых ни разу не видел Роберта Мадригала живым, но не преминул явиться взглянуть на его проводы в последний путь, как пришел бы поглазеть на любую процессию, особенно если о событии распространялись смутные и темные слухи. Хотя именно они, совершенно посторонние люди, смогли создать соответствующую похоронам атмосферу. Фрэнсис сумела оценить это, когда вернулась после унылой и краткой церемонии. Все собрались в главной гостиной дома, чтобы согреться, выпить и скорее забыть большое печальное кладбище, где был предан глинистой желтоватой земле Роберт, упокоившийся под холмиком, заваленным грудой цветов, лепест-

ки которых отчаянно трепал ветер.

Единственными незваными гостями были полицейские. Они бродили по дому слегка пристыженные, словно судебные приставы, получая удовольствие от своей официальной миссии, но втайне робея перед хозяевами.

Сама похоронная процессия была нелепой. Поскольку Роберт не имел близкой родни нигде, кроме Южной Африки, правила викторианского стоицизма диктовали, что его вдове надлежало ехать в первом лимузине в сопровождении ошеломленного старого племянника Габриэллы. Это был жалкий человечек, которого вытащили из пансиона для престарелых в Борнмуте телеграммой, содержанием напоминавшей шантаж, и у него не осталось выхода, кроме как подчиниться. Он сидел, сжавшись в комочек, на заднем сиденье машины рядом с дальней родственницей, старался припомнить давно забытые хорошие манеры, но на самом деле беспокоился только о сквозняках и своем слабом здоровье.

Фрэнсис и Дэвид в качестве ее жениха следовали во втором лимузине, за ними машина с мисс Дорсет, пару которой составил глава канцелярии галереи.

В общем, шоу устроили по всем канонам приличий, такое же формальное, но смелое, какой была сама Габриэлла. Величайшим актом мужества со стороны миссис Айвори стало ее личное появление в большой гостиной. Она дожидалась их возвращения с кладбища, расположившись в роскошном глубоком кресле, а Доротея бдительным стражем стояла у

нее за спиной. Габриэлла облачилась в черное, хотя всегда ненавидела этот цвет, и из-под складок траура ее лицо и руки ярко сияли белизной, такие же утонченные, каким было когда-то само ее имя.

Со стены на нее смотрел портрет Филиппа Айвори, изображенного улыбчивым молодым человеком, а сверкавшие люстры, ставшие в свое время свидетельницами дней подлинной славы Габриэллы, подчеркивали резким светом складки муаровой юбки. Она являла собой великолепное зрелище, и исполненные тоски родственники и друзья, в умах которых слова «загадка», «нечто странное», «скандал» и «убийство» постепенно занимали все больше места, переключили внимание на нее.

Но атмосфера оставалась напряженной. Каждый из присутствующих в комнате ощущал свою сопричастность к событиям, необходимость держаться вместе в момент кризиса, а подспудно не мог изгнать рвавшуюся изнутри мыслишку, нашептывавшую: «Это может стать для тебя незабываемым днем. Кто знает? Вполне вероятно, что ты сейчас находишься в обществе убийцы, который сам явился похоронить свою жертву». И по мере того как большие часы на каминной полке отсчитывали секунды, эта мысль постепенно овладевала всеми, почти зримо передаваясь от одного к другому. В разных концах гостиной кто-то вдруг замолкал, выражение лица становилось непроницаемым, хотя глаза продолжали гореть от скрытого возбуждения, оглядывая чашки и бокалы

на накрытом для поминок столе. «Кто?» – витал в воздухе непроизносимый вопрос. «У кого был мотив? За кем особенно пристально наблюдает полиция? Кто же все-таки убил его?»

Фрэнсис находилась около Габриэллы, когда вошел Норрис. Старая леди пожелала, чтобы обе внучки держались с ней рядом. Филлида, сидевшая в кресле, которое размерами было лишь чуть меньше кресла самой Габриэллы, выглядела так, словно вот-вот могла лишиться чувств, а Фрэнсис продолжала стоять по другую от бабушки сторону. Она понимала, что они выглядят нелепой маленькой группой, а потому благодарно взглянула на Дэвида, занявшего место у нее за спиной.

– Вы похожи на снимок из семейного альбома. Тебе, наверное, трудно это представить? – тихо пробормотал он. – Хочешь что-нибудь выпить?

– Немного синильной кислоты, пожалуйста, – Фрэнсис отпустила эту легкомысленную остроту, не сводя глаз с двери.

Норрис поспешно приблизился к ним, он явно был взволнован. И заговорил почти шепотом, но так, что его слова расслышали все.

Годольфин.

Имя прозвучало громко, будто он выкрикнул его, заставив всех отвлечься от навязчивой темы, которая, к сожалению, не подлежала обсуждению вслух, но прочно засела сейчас в головах собравшейся в комнате компании. Присутству-

ющие ухватились за имя, как за спасательный круг, и всеобщий интерес теперь вызывало только оно.

Годольфин, чья сенсационная история спасения от верной гибели продолжала занимать первые полосы газет наряду с отчетами о последних новостях с Саллет-сквер. Годольфин, добровольно спрыгнувший со скалы в покрытую льдом пропасть, предпочтя умереть, но не лишать своих товарищей шанса выбраться из опасной переделки. Годольфин, обнаруженный полумертвым группой монахов, поднявших его на руках в ту самую крепость-монастырь, который прежде казался существовавшим только в легендах. Годольфин, ставший там пленником почти на четыре года, пока ему не удалось сбежать вместе с караваном пилигримов. Годольфин теперь приехал сюда. Неужели? Да может ли быть такое? Годольфин, тот самый Годольфин уже вошел в дом? Наконец-то повеяло романтикой, ощутимым теплом, экзотикой, окрасившей обстановку в яркие цвета!

Фрэнсис заметила, как посерело лицо Дэвида, когда его взгляд устремился на Филлиду, но та спряталась от него, глубоко погрузившись в кресло. Впрочем, даже тогда Фрэнсис еще не осознавала важности факта, столь очевидного, но до такой степени колоссального, что он словно не помещался в поле ее зрения, ускользал от понимания.

Норрис покинул комнату, толпа сама собой образовала нечто вроде коридора, глядя на высокую дверь с шелковой портьерой, украшенной узором в китайском стиле. Наша па-

мять обладает порой странными свойствами, и Фрэнсис, сохранившая до того момента лишь смутное представление об известном путешественнике, теперь вдруг представила его вполне отчетливо, вспомнив, каким он был пять лет назад: худощавым и подвижным мужчиной, не особенно высоким, но крепким в кости и сильным, с густой черной шапкой волос поверх орлиного носа и узкого разреза глаз. Она с интересом ожидала его появления.

Опять вошел Норрис и отступил в сторону от открытой двери, среди собравшихся воцарилось напряженное предвкушение встречи. Последовала продолжительная пауза, а затем в гостиную, морщась от слишком яркого света, одетый в не подходивший к случаю дорожный твидовый костюм, вошел маленький, болезненно худощавый пожилой человек, опиравшийся на трость. Его вид мог бы шокировать. Многие из присутствовавших запомнили Годольфина молодым и крепким перед его последним путешествием, и краткое сдавленное восклицание, вырвавшееся у Дэвида, соответствовало общей реакции на происходившее.

Годольфин шаткой походкой проследовал к центру комнаты, и первое впечатление отчасти смягчилось. Да, это был он. Лицо, запечатленное прежде на стольких фотографиях, оставалось узнаваемым, несмотря на огрубевшую и пожелтевшую кожу и седину в волосах. Он остановился, причем выглядел слабым, будто даже это стоило ему немалого физического напряжения.

Затем Годольфин приблизился к Габриэлле и склонился к ее руке в своей прежней, несколько напыщенной манере.

– Простите меня, – тихо сказал он с нотками металла в голосе, который Фрэнсис уже успела забыть. – Я ничего не знал. Ваш помощник сообщил мне новости о похоронах буквально на пороге дома. Я только что с самолета. Не читал ни одной газеты и ни с кем не разговаривал. Естественно, я сразу захотел встретиться с Филлидой.

Он говорил негромко, а гости, моментально вспомнив правила этикета, поспешили вступить в беседу между собой. Только старая женщина и четверо окружавших ее людей отчетливо расслышали его слова. Габриэлла подняла голову.

– Естественно? – резко повторила она. – Что же вам кажется в этом «естественным», мистер Годольфин?

Он повернулся к Филлиде, и в движении его вытянутой руки читалось стремление подвести итог всему, показать, что он вернулся домой.

– Значит, это еще остается секретом, моя дорогая? – тихо спросил он.

Филлида заскулила. Иного определения для изданного ею почти животного звука трудно было подобрать. Она стремилась глубже погрузиться в кресло, стать неразличимой частью его обивки.

Ошеломляющая мысль пришла в голову Фрэнсис, и она посмотрела на Габриэллу, сидевшую в напряженной позе. Только тогда самая юная из семейства Айвори постигла ис-

тину, а вместе с ней и понимание всех столь многочисленных и пугающих событий последней, невыносимой для нее недели. Филлида вышла замуж за Годольфина перед его отбытием в тибетскую экспедицию. Но стоявший сейчас перед ними мужчина ничего не ведал о том, как сложилась судьба Роберта после возвращения, если не считать факта, что он умер.

Глава 10

В гостиной царил беспорядок, какой всегда остается в комнате, только что покинутой большой группой гостей. Даже прежде яркое сияние люстр было приглушенным и чуть размытым. Кроме того, здесь стало почти пусто и тихо и лишь по-прежнему слышался распространившийся по всему дому запах цветов – густой и неприятный.

Ветер снаружи продолжал неистовствовать, и в памяти Фрэнсис представление о тех днях неизменно сопровождалось дисгармоничной музыкой этих раздражавших душу злобных порывов.

Габриэлла сидела сгорбившись в своем кресле у изящного камина с резными колоннами. Она выглядела невероятно дряхлой, и создавалось впечатление, будто в этом старом теле не может уже циркулировать достаточно крови, чтобы питать изощренный ум. Пальцы впились в плотный шелк подола, надежно прикрывавшего колени, но, если не считать этого жеста, она больше ничем не демонстрировала волнения и даже не подавала каких-либо других признаков жизни.

Дэвид облокотился о каминную полку, наблюдая за ней, а Фрэнсис уселась на коврик рядом, поджав ноги под себя. В черном траурном платье она смотрелась даже моложе своих лет, вопреки новым чертам зрелой женщины, проглядывавшим теперь в ее лице.

Доротея неподвижно стояла позади хозяйки, как гвардеец дежурит за спиной короля. Никто не смог бы сейчас догадаться, о чем она думает, если она вообще о чем-то думала. Ни проблеска мысли не читалось на ее грубом и глуповатом, но неизменно терпеливом лице.

Прошло сорок минут с тех пор, как Филлида и Годольфин уединились в столовой. Толстые стены дома были звуконепроницаемы, и потому никто в гостиной не мог уловить ни намека на то, как проходил этот явно исполненный мрачного драматизма разговор. За плотно закрытой дверью, казалось, царила тишина.

Габриэлла подчинила присутствующих своим желаниям. Она настояла, чтобы они находились около нее, и становилось очевидным, зачем ей это понадобилось. Во-первых, она хотела держать их рядом, не давая возможности обсуждать происходящее между собой. А во-вторых, только так она могла сохранять контроль над ситуацией. Между тем молчание все больше действовало присутствовавшим на нервы. Дэвид достал портсигар, повертел в руках и снова сунул в карман. Габриэлла пристально посмотрела на него.

– Ты ведь обо всем знал, – сказала она, и это прозвучало как утверждение.

– Да, знал, – кивнул он. Вальяжное, терпимое ко всему выражение вернулось на его лицо, и Фрэнсис поняла, что гримаса равнодушия служила ему защитной маской. – Да, я все знал. Я был свидетелем на свадьбе. Это случилось года че-

тыре назад, когда я гостил в вашем доме. Тогда я часто виделся с Филлидой, если помните. – Дэвид бросил взгляд на Фрэнсис: – Ты в то время еще ходила в школу.

Габриэлла плотно сжала губы, но если он заметил это, то предпочел проигнорировать ее реакцию, продолжая говорить, обращаясь к ней и к Фрэнсис поочередно, выбирая выражения с намеренной небрежностью, чтобы легкомысленным тоном отчасти скрасить грустную историю:

– Однажды Филлида позвонила мне и сообщила, что выходит замуж, но все необходимо сделать тайно. Кажется, Долли тогда обанкротился, или случилось нечто, столь же нежелательное для них обоих. Она попросила меня приехать и помочь им справиться с трудной проблемой. Я согласился. В учреждении, где регистрируют браки, я сыграл роли и шафера и подружки невесты, подписался под документами и пожелал им счастья. Через пару дней я вернулся в Штаты и больше не слышал о Годольфине до появления новостей о его гибели в той злосчастной экспедиции. Судя по публикациям в прессе, где ни словом не упоминалось о женитьбе, я решил, что с этим делом как-то сумели разобраться. Но когда я вернулся в Англию несколько недель назад, мне стало известно о бракосочетании Филлиды и Роберта. Пришлось придержать язык. В конце концов, мне не стоило лезть в ее личную жизнь, а поскольку Долли считался погибшим, то ничего из ряда вон выходящего вроде бы не произошло. Однако на прошлой неделе мне пришлось навестить ее и дать

разумный совет. Состоял он в том, чтобы скорее связаться с Долли и осторожно сообщить ему обо всем самой, чтобы по его возвращении этого не сделал кто-то другой. Увы, когда у нее появилась возможность поговорить с Долли по трансконтинентальной линии, она потратила ее зря. Трудно винить бедную женщину, но итог оказался прискорбным. В противном случае мы бы все были избавлены от неприятной трагикомедии, разыгравшейся сегодня.

Он замолчал, и в комнате снова не раздавалось ни звука. Габриэлла принялась раскачиваться в кресле, ее губы шевелились, словно тщетно пытаясь воспроизвести непроизносимые слова. Фрэнсис смотрела на огонь в камине. Лаконичный отчет Дэвида о тайной свадьбе не ввел ее в заблуждение. За последние несколько дней она узнала много нового о любви, да и о людях вообще. А потому схематичный рассказ оброс нужными для нее подробностями. Теперь стало понятно, почему Дэвида коробило, когда она так свободно связывала вместе имена Филлиды и Годольфина при встрече в кафе, прояснилась причина ее впечатления, что он чувствует ответственность за Филлиду и ее проблемы. Не оставалось сомнений, что присутствие Дэвида добавляло событиям пикантности, столь дорогой сердцам представителей его послевоенного поколения. В его устах все приобретало оттенок юношеского драматизма, но для Дэвида пережитый опыт оказался неудачным и даже унизительным, хотя наверняка он извлек из него полезные уроки на будущее.

Фрэнсис подняла голову, заметив, что он смотрит на нее, причем даже получает удовольствие от собственного смущения.

– В общем, сложилась чертовски запутанная ситуация, – произнес Дэвид. – Напоминает попытку взгромоздить Пелион на Оссу[2]. И к чему в итоге мы должны прийти?

– Ей нельзя тревожиться! – Страстное заявление, вырвавшееся у Доротеи, поразило всех, как удивило бы внезапное превращение обычного холма в извергающийся вулкан.

Габриэлла рассмеялась. А поскольку звуков ее смеха в доме никто не слышал уже много недель, даже атмосфера в комнате сделалась более свободной.

– Верно сказано, – промолвила она. – Ты очень добра к ней, Доротея. Ты добрая, умная, но, к сожалению, все бесполезно. Мистер Филд, никогда в жизни я никому не позволяла курить в этой гостиной, но сейчас, если вам хочется, можете достать сигарету.

Дэвид в ответ даже не улыбнулся, но поблагодарил Габриэллу и вынул портсигар.

Воцарилось молчание. Казалось, весь дом вслушивается, замкнувшись в себе и не позволяя никому мешать мечущемуся и завывающему ветру.

– Он обязан все правильно понять, – на сей раз неожиданную реплику подала Фрэнсис. – Филлида оказалась в безвы-

---

[2] Ссылка на эпизод из древнегреческой мифологии, когда в борьбе с Зевсом титаны пытались добраться до вершины Олимпа, поставив одну гору на другую.

ходном положении, и Годольфину придется проявить здравый смысл. В конце концов, теперь ясно, как и почему развивались события.

– Тсс! – Габриэлла воздела вверх руку. – Прислушайтесь. Они возвращаются.

Присутствующие удивленно посмотрели на нее. Всем была известна ее поразительная способность различать в знакомом доме каждый шорох. Это был не столько острый слух, сколько внутренняя работа сложной системы давних воспоминаний и инстинктов. Габриэлла приподняла голову и неловко повернулась в кресле. И, конечно же, оказалась права. Дверь, соединявшая столовую с восточной частью гостиной, дрогнула, ручку энергичным движением повернули, и на пороге возник Годольфин. Он оглянулся через плечо:

– Заходи. Все ждут.

Годольфин держал дверь отрытой, но Филлиды по-прежнему не было видно. Ему пришлось снова выйти и через несколько секунд вернуться, ведя ее за руку. Они выглядели необычной парой, проходя вместе по розовому китайскому ковру комнаты. Годольфин уже не казался изможденным и старым. В его движениях ощущалась живость, и вместе с ним в гостиную словно ворвалась мощная новая волна нервной энергии, напомнив присутствующим, что он все еще оставался незаурядной личностью. Только сейчас Фрэнсис осознала, насколько он может быть разъярен.

Филлида поникла. Ее потемневшие веки низко нависали

над исполненными тоски глазами, а руки безвольно висели. Дэвид придвинул к ней кресло, а Годольфин помог сесть. Его манеры стали по-хозяйски властными, и у Габриэллы, наблюдавшей за ним взглядом рыси, от волнения задрожали руки.

– Ну, так что же? – спросила она.

Вопрос прозвучал сурово, однако служил заменой любым банальным словам утешения или извинениям, и Годольфин, стоявший к ней спиной, проворно повернулся, узнав знакомый голос.

– Это отвратительно, – произнес он фразу, прозвучавшую как хлесткий удар кнута. – Ужасно. Шок для всех вас… И неприятная история для меня. Выход из положения видится один. Это я и пытался объяснить своей жене. Необходимо успокоиться, разобраться в сути таинственных событий, а затем мы с ней попытаемся начать жить заново.

Поза исключительной собственной важности, которую принял Годольфин, могла внушить трепет, как и его иссохшая плоть, туго обтянувшая кости, обветренное лицо, такое худое, что тонкая линия подбородка обрисовалась со скульптурной рельефностью. Шок оказал глубокое воздействие на него самого. Он опирался на трость и превратился в комок нервов, что невозможно было бы скрыть при всем желании.

– Разумно с твоей стороны, – старая Габриэлла заговорила вдруг почти заискивающим тоном, какого никто не слышал от нее прежде. – Разумеется, ты прав, Годольфин. Мы долж-

ны предоставить полиции возможность провести расследование обстоятельств смерти Роберта, и эта загадка должна быть решена, чтобы ни у кого не оставалось ни малейших сомнений, прежде чем… мы сможем обсуждать будущее. А пока это не сделано, тебе лучше держаться подальше от Филлиды, как и от дома. Это станет наилучшим подходом к проблеме. Что ты собираешься предпринять? Снова отправишься за границу?

Годольфин вскинул голову, и на мгновение им показалось, что он готов рассмеяться:

– Нет, моя любезная леди. Я только что провел два года в вонючей и грязной ламаистской темнице или в исправительной камере, как предпочитали величать ее они сами, постоянно размышляя о своем доме и о жене, и, поверьте, не испытываю никакого желания снова их потерять.

Его слова отчетливо прозвенели в тишине комнаты, и старая дама напряглась.

– Понятно, – тихо отозвалась она. – Так что же ты предлагаешь?

– Предлагаю сразу всем вместе взяться за работу и как можно скорее навести в запущенных делах порядок. – Годольфин говорил отрывисто, а раздражение придавало фразам едва заметный оттенок презрения. – Это лучшее, что мы можем. Необходимо немедленно подчинить сложившуюся ситуацию своему контролю, а поскольку она в особенности затрагивает мои интересы, мне следует лично принять в

этом участие.

Филлида крепче вцепилась пальцами в подлокотники кресла.

– Он ничего не понимает, – растерянно пробормотала она. – Хочет остаться в нашем доме.

– Но это, конечно же, невозможно. – Габриэлла заговорила без эмоций или каких-то особых интонаций в голосе, однако достаточно безапелляционно.

– Я не согласен! – Годольфин тоже демонстрировал решительность. – Вы все рассматриваете данный вопрос с неверной точки зрения. Взгляните на себя со стороны. Дом, почти полностью населенный одними только женщинами, которые сейчас попали под власть полиции. Ваш адвокат хуже, чем просто бесполезен. Филд способен не на многое, поскольку не имеет полномочий и даже не является полноценным гражданином этого государства. Вам нужно, чтобы кто-то взял бразды правления в свои руки. Если честно, то интуиция подсказывает мне, что я должен забрать Филлиду отсюда, наплевав на любые чужие мнения и кривотолки. Но она не хочет уезжать, и мне понятна ее позиция. С одной стороны, ясно, насколько неудачным оказался момент моего возвращения, но с другой – он видится мне предначертанием самого Провидения. Нет рациональных причин, мешающих мне оставаться гостем этого дома, делая все возможное для разрешения проблем. В конце концов, я привнесу свежий образ мышления, на который не успели оказать косного

воздействия затертые общепринятые взгляды, свойственные гражданам этой так называемой цивилизованной страны.

– Дорогой друг! – воскликнул Дэвид. – Тебе необходимо правильно оценить ситуацию. Знаю, случившееся – слишком крупный ком различных и весьма своеобразных событий, чтобы ты смог сразу проглотить и переварить его. Но, ради всего святого, Долли, подумай. Какими бы неприятными ни оказались для тебя новости, невозможно отмахнуться от происшедшего. Филлида вышла замуж за Роберта, потому что была в заблуждении относительно твоей судьбы, а он, бедняга, только сегодня упокоился в могиле.

Годольфин повернулся к нему. Он дрожал, а на лбу от напряжения вздулись вены.

– Я прекрасно все осознаю! Черт возьми! Если на то пошло, это единственное, что я осознаю отчетливо.

Годольфин впервые показал, насколько озлоблен, и присутствующие встревожились.

– Прошу прощения, – продолжил он, – но вы кое о чем забываете. Там, где я так долго гнил заживо, никаких удобств цивилизованной жизни не было и в помине. И я вернулся с чистым и ясным умом. Меня не сдерживают никакие условности: что дозволено, а что запрещено. Мне безразлично, приемлем мой поступок с точки зрения общества или его кто-то сочтет социально опасным. Я хочу забрать Филлиду отсюда. Она моя жена, а не супруга покойного Роберта. И если Филлида не хочет или не может уехать со мной, пока

эта тайна не раскрыта, то я готов раскрыть ее сам, и, богом клянусь, никому не советую вставать у меня на пути. Хотя бы это вам ясно?

Никто не ответил. Филлида рыдала, и ее прерывистое дыхание разносилось по просторной комнате. Годольфин достаточно агрессивно обратился к Габриэлле:

– Если вы не позволите мне поселиться в этом доме, миссис Айвори, то я остановлюсь в ближайшем отеле. Но если в вас осталась хоть капля здравомыслия, то вам лучше воспользоваться моими услугами, а не доводить меня до отчаяния.

Старуха всмотрелась в него, и в ее глазах читались попытки просчитать, как поступить наилучшим для себя образом.

– Спасибо за предложение о помощи, – мягко сказала она и добавила официальным тоном: – Хорошо, мистер Годольфин. Мы будем рады считать вас гостем моего сына в течение нескольких дней. – Она сделала паузу и улыбнулась ему: – Но вы станете и вести себя как пристало гостю, разумеется. Могу я на вас рассчитывать в этом смысле?

Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга – оба по-своему склонные к авантюрам натуры, а затем Годольфин рассмеялся:

– Вы все-таки мудрая женщина. Да, можете рассчитывать на мое примерное поведение.

Габриэлла глубоко вздохнула, показывая, что готова уступить.

– Я устала, – промолвила она, а затем продолжила нейтральным тоном, который напомнил Фрэнсис их самый первый разговор в Хэмстеде: – Нет, Доротея, я поднимусь наверх скоро, но не сейчас. Есть нечто, о чем я должна предупредить вас всех. Вы не обязаны слушать меня, но находитесь в гостиной моего дома, где я вправе высказывать любое свое мнение, и будет вежливо с вашей стороны все-таки внять моим словам. Начну с того, что я уже очень старая женщина. И преклонный возраст порой лишает мой ум способности сосредоточиться на самом важном, заставляя мысли блуждать совершенно произвольно. Но обычно ближе к вечеру сознание проясняется, и сейчас наступил момент, когда у меня складывается впечатление, что я вникаю в смысл вещей глубже, чем любой из вас, поскольку обладаю перед вами определенным преимуществом. Я как бы нахожусь уже в стороне от всего. Жизнь подошла к концу. Мои эмоции по большей части уже мертвы, и меня уже не слишком волнует, что произойдет со мной или с кем-либо другим. Не знаю, понимаете ли вы, но, несмотря на то что здесь присутствуют даже мои внуки, вы все для меня чужаки, совершенно неизвестные мне люди. Вы не только далеки от моего поколения, но и выпадаете из привычного круга общения. Вот почему я наблюдаю за вами как бы издалека.

Габриэлла отклонялась назад, прячась от них, словно защищая свою дряхлость баррикадой из плотного черного шелка. Ее руки лежали расслабленно, и если устроенное ею

представление имело скрытый мотив (а Фрэнсис подозревала, что это так), то сейчас он, вероятно, имел огромное значение. Уже скоро она отстранится от них, покинет их и скроется в святилище, каким стало для нее быстротечное время.

– За последний час вы все приобрели одно и то же слабое место, точку уязвимости, – продолжила Габриэлла. – Теперь у вас появился секрет, который так или иначе вам придется скрывать от полиции. До сегодняшнего дня это был секрет Филлиды и мистера Филда. А сейчас в него посвящены Фрэнсис, Доротея и я.

Она сделала паузу и посмотрела на Годольфина, пребывавшего в недоумении.

– Ах да, и ты тоже, – добавила Габриэлла. – Отныне в беседах с полицейскими вам придется проявлять крайнюю осторожность. Уровень интеллекта среди офицеров полиции значительно выше, чем я ожидала.

В ее последнем замечании прозвучала невольная нотка снобизма, и присутствующие поняли, что она прежде не имела никаких дел с представителями закона.

– Мне кажется, все это не имеет значения, – заявил Годольфин с тем напором и небрежностью, которые стали заметны в его манерах после долгого разговора с Филлидой. – Полисмены – разумные люди. Они хотят установить истину, как и мы сами. Мы должны сотрудничать с ними, а не противодействовать им. Они пожелают выяснить факты, имеющие отношение к этим нашим запутанным матримониаль-

ным проблемам, и я не вижу причины, почему им не следует принимать их в расчет. Я против всякой секретности. Если бы мы с Филлидой не сохранили в тайне наш брак, то сейчас ситуация оказалась бы гораздо проще. По закону факт моей гибели надлежало установить и неопровержимо доказать. В противном случае Филлиде пришлось бы выжидать семь лет, или какой там еще срок установлен для того, чтобы я окончательно считался без вести пропавшим, развязав ей руки? Я уверен, нужно обо всем информировать полицию. Никакого скандала возникнуть не должно по одной простой причине. Как мне сообщила Филлида, несчастный Роберт скончался в понедельник, неделю назад. То есть в то время, когда я лежал, спрятанный под грудой отвратительно вонявших козлиных шкур, контрабандно переправляемый через границу вместе с караваном мулов. И только после смерти Роберта к жизни вернулся я. Таким образом, Филлида никогда не имела двух мужей одновременно. В чем же аморальность ее поведения? Пусть законники разберутся в тонкостях данного вопроса. Но обвинить ее в двойном замужестве не будет оснований. Они же не лишены рассудка. Пока Филлида была замужем за Робертом, я не без веских оснований считался умершим. Полицейские – разумные люди, и они примут обоснованное решение.

– Нет, Долли, нет! Не надо ни о чем им рассказывать! – воскликнула Филлида и подалась вперед. – Не говори им ничего. Ты не все знаешь. Не все понимаешь. Перед смертью

Роберт вел себя странно, словно приобрел сверхъестественные способности. Мне даже стало казаться, будто ему известно о нас с тобой. В последний год он разговаривал о тебе со многими людьми. Он и с вами обсуждал его, верно, Дэвид?

– Со мной? – Дэвид выглядел искренне изумленным. – Нет, мы с ним не говорили на эту тему.

– Ладно, но со мной-то уж точно. Причем часто. Постоянно заводил речь об этом. И мне порой мнилось, что он знал о нашем супружестве. Устраивал мне пытку, доложу я вам. Последние шесть месяцев стали для меня истинным адом, превратились в нечто невыносимое.

Старая миссис Айвори сложила руки на груди, и ее взгляд снова остановился на лице Годольфина.

– Видишь? Филлиде нельзя позволить общаться с полицией, понял теперь?

– А почему бы и нет? – усмехнулся Годольфин. – Любой поймет, что произошло с ней. Однажды Роберт случайно упомянул мое имя, и у бедной девушки проснулась больная совесть. А поскольку она всегда страдала повышенной возбудимостью, не зная, чем себя занять в жизни, все закончилось неврозом. Вы только посмотрите на нее, нашу милую, но такую несчастную Филлиду! Она почти впала в истерику, хотя, похоже, пребывает в этом состоянии уже не первый месяц.

Габриэлла подала знак Доротее.

– Теперь можешь помочь мне подняться наверх, – сказала

она и добавила, глянув на Годольфина так, что он замер в замешательстве, да и присутствующие вздрогнули, заглянув в пропасть, которую нарисовала для них своей заключительной фразой миссис Айвори: – Полицейские лишены воображения, мой дорогой. Вот почему с ними нужно вести себя крайне осторожно. Поделитесь с ними этой частью истории, и они решат, что у бедняжки Филлиды имелся мотив для убийства.

Глава 11

За окнами лил дождь. Мисс Дорсет пыталась разыскать телефон среди кипы бумаг на своем рабочем столе. Дождливая погода держалась всю неделю, и площадь была насквозь пропитана влагой. Рекламные доски продавцов утренних газет, на которых впервые за много дней не значилось ни одного заголовка, связанного с загадкой Саллет-сквер, тоже были сырыми и неприглядными.

Мисс Дорсет подошла к аппарату не без опаски. В последнее время многие звонки становились источником неприятностей.

– Алло! – сказала она. – Алло! Кто вам нужен? Да, это я. Мисс Дорсет слушает. Конечно, я вас помню. Вы ведь слуга мистера Лукара, не так ли? Боюсь, у меня нет пока для вас никаких известий. Приходится со всем управляться одной, как я вам рассказывала в прошлый раз.

– Подождите минуточку, мисс, – голос звучал весело. – Не бегите впереди паровоза. У меня есть новость для вас. Со мной связался хозяин.

– Неужели? – Секретарша не смогла скрыть удивления, чем только еще больше развеселила собеседника.

– Мне ли не понять вашего изумления! Я и сам был поражен не меньше вашего. Факт. Я ведь уже вбил себе в башку, будто босс решил избавиться от меня. За молоко не уплаче-

но, как и за газеты. Мое жалованье тоже улетучилось. Подумал, мы с ним распрощались навсегда, почему и позвонил в вашу фирму. Вы давали работу ему, прикинул я. Так, может статься, и обо мне малость позаботитесь?

– Да, да, помню наш разговор об этом. Так он связался с вами?

– Да. Телеграмма с парохода. Только что пришла. Я вам прочитаю ее. Слушаете? «Жди меня. Ночую сегодня на квартире. Лукар». – В трубке раздался хохоток: – Вполне в его манере, скажите?

– Да, в точку! – Мисс Дорсет спохватилась и сразу поправила себя: – Я хочу сказать, очень на него похоже. – Что ж, если он возвращается, то и с вами все будет в порядке, верно? Спасибо за сообщение.

– Не за что, – голос звучал теперь самоуверенно. – Я так и подумал, что вы захотите узнать о телеграмме. Вот уж не ждал его возвращения! Новость так новость! Вы меня слушаете?

– Да. Спасибо за информацию. Всего доброго.

– Не желаете обсудить историю?

– Нет. Боюсь, нет времени для этого. Но еще раз спасибо за звонок. До свидания.

– Ладно. Я на вас зла не таю. Бывайте здоровы.

Мисс Дорсет положила трубку и села, глядя перед собой ничего не видящими глазами. Вскоре она машинально взяла конверт из лежавшей слева от нее кипы бумаг и вскры-

ла явно дешевое письмо. Ей стоило лишь прочитать первое предложение, чтобы скомкать листок и отправить его в мусорную корзину. Уже потянувшись за следующим посланием, она вдруг передумала, снова сняла телефонную трубку и набрала номер дома 38. Ей ответила Фрэнсис. Складывалось впечатление, что она несла постоянное дежурство в ожидании звонка.

– Алло! А, это вы, мисс Дорсет? – Скрыть разочарования Фрэнсис не удалось. – Как вы поживаете? Много почты пришло?

– Хватает. – Мисс Дорсет с отвращением посмотрела на свой заваленный бумагами письменный стол. – Я решила, что мне лучше разобраться с ними самой. Работа не из приятных, и поручи я ее одному из младших клерков, у него случился бы нервный срыв. И даже если бы он начал рассказывать всем подряд, какие гадости нам пишут, мне бы было трудно его винить. Я и не подозревала, сколько сумасшедших разгуливает на свободе. Нам не следовало помещать свой адрес в городской справочник, знай мы, чем это обернется. Теперь же он доступен каждому. Если они хотя бы указывали свои имена, все выглядело бы лучше. Хотя, между прочим, поступило два действительно стоящих письма для миссис Мадригал. Я передам их вам.

– Да, неприятно, – голос Фрэнсис звучал раздраженно. – Неужели люди не понимают, что не могут знать правды, прочитав статейки в нескольких бульварных газетах? И все пись-

ма адресованы Филлиде?

– По крайней мере, большая их часть.

– Есть что-нибудь для меня лично?

– Одно или два. – Мисс Дорсет посмотрела на пухлую пачку справа от себя, надеясь, что ей простится маленькая ложь.

– О чем пишут?

– Ни о чем. Поток оскорблений. Я поинтересовалась у инспектора Бриди, и он объяснил, что подобное неизбежно в подобных случаях. «Ненависть и зависть к вашей печальной славе» – так он выразился.

Фрэнсис натянуто рассмеялась:

– Мне он нравится. Или, вернее, нравился бы, не внушай он всем нам такой страх.

– Страх?

– Я шучу. Теперь ведь практически все установлено. Или будет, как только они сумеют поймать сбежавшего Лукара, ведь так?

– Думаю, вы правы, дорогая моя. – Многие годы обучения сдержанности помогли мисс Дорсет изобразить интонацию ни к чему не обязывающей доброжелательности. – В одном или двух из анонимных писем на имя миссис Мадригал упоминается мистер Годольфин. Мне бы не хотелось сообщать ей об этом самой, но люди помнят, что когда-то они были помолвлены, и цепляются за данный факт. Он по-прежнему исполнен решимости оставаться у вас в доме?

– Боюсь, что да, – настала очередь Фрэнсис проявить осто-

рожность, но голос выдавал ее чувства. – Он фанатично взялся за дело. Ощущение такое, будто у нас за каждой трапезой присутствует полицейский.

Мисс Дорсет закашлялась.

– Такие персоны порой действуют на нервы, но могут принести и немало пользы, – заметила она. – Они обладают поразительной энергией. И не успокаиваются, пока не докопаются до истины.

– Да, знаю.

– Я пару дней не видела мистера Филда. – Мисс Дорсет сама ощутила фальшь в своей попытке произнести фразу как бы вскользь, и это лишь подчеркнуло важность поднятой темы.

– Да, я тоже, – отозвалась Фрэнсис. – Так вы передадите мне письма? Сделайте это, пожалуйста.

– Непременно. До свидания. Надеюсь, миссис Айвори здорова?

– Здорова, на удивление всем. До свидания.

Через десять минут затренькал телефон в столовой в доме 38, но когда Фрэнсис бросилась к нему, она успела лишь услышать мягкий щелчок на линии, а это означало, что кто-то еще очень ждал звонка, в трубке раздался нервный голос Филлиды:

– Доктор Смит? Говорит миссис Мадригал. Это звонок из дома доктора Смита? Могу я с ним переговорить? Соедините меня с ним, пожалуйста. Соедините скорее.

Фрэнсис положила трубку, а на другом конце города медсестра скорчила гримасу, приглашая к телефону худощавого мужчину с усталым лицом, ответившего с явной неохотой.

– Нет, – сказал он после того, как телефон трещал ему в ухо целую минуту. – Нет, моя дорогая леди. Как я могу? Мы с вами детально все обсудили еще вчера. Почему бы вам не сделать то, что я посоветовал? Отправляйтесь в постель и полежите подольше с хорошей книгой. Да, я так и поступлю. Приеду навестить вас примерно в десять часов, но только прошу, не требуйте от меня невозможного.

– Но почему? – Филлида проявляла необычное для нее упорство. – Я весь тот день провела в кровати. Спустилась вниз, когда после обеда приехала престарелая миссис Айвори. Почему же вы не можете всем объяснить, что я тогда не была способна передвигаться самостоятельно?

– Потому что придется сказать неправду.

– Разве это так важно?

– Вы серьезно хотите, чтобы я ответил вам на подобный вопрос?

– Нет. Извините. Я совсем с ума сошла. Я больна. Не ведаю, что творю. Вы же никому не расскажете о моей просьбе?

– Не в моих правилах вести себя непрофессионально.

– Конечно, мне это известно. Я имела в виду другую просьбу. Приезжайте и осмотрите меня.

– Хорошо. Сегодня во второй половине дня. А пока примите три таблетки и ложитесь в постель. Может, вы хотите

перебраться на время в больницу?

– Да, с удовольствием! Но вы не считаете, что это будет похоже на попытку сбежать отсюда? Будет? Тогда мне лучше ничего не предпринимать. Так вы не выполните ту мою маленькую просьбу? Я смогла бы спокойно заснуть, если бы вы дали мне обещание.

– Нет, я не могу. До встречи.

– Но я все же не верю в подобную версию, – обратился доктор к медсестре, повесив трубку. – Эта женщина – неврастеничка, но без маниакальных наклонностей. Если она убила мужа, то я съем собственный стетоскоп и отправлюсь разводить кур.

– Не лучше ли вам какое-то время держаться подальше от нее? – заметила медсестра, которой был свойственен житейский практицизм. – Никто, даже врач с такой репутацией, как ваша, не может позволить себе оказаться замешанным в столь сложное дело.

– Самое ужасное, что вы абсолютно правы, – хмуро согласился он, – но мне жаль ее. Вы ведь с ней не знакомы? Она обладает определенным шармом.

В это время детектив-сержант Рэндал стоял в будке телефона-автомата на тоскливой, продуваемой ветром железнодорожной станции и разговаривал со старшим детективом-инспектором Бриди.

– Я взял его, сэр, – доложил он.

– Взяли? Отлично! Как он себя ведет?

– Нахально, сэр.

– Дерзит? Я так и предполагал. Привезите его ко мне.

– Слушаюсь, сэр. Поезд отправляется через семь минут. Мы прибудем к вам около пяти часов.

Бриди усмехнулся и дал отбой. Краткая беседа, казалось, полностью удовлетворила его, и он решил вознаградить себя, выкурив одну из немногих ежедневных сигарет. Он курил на удивление дорогие сигареты: каждая с фильтром и с гигиеническим мундштуком. Люди, плохо его знавшие, удивлялись столь привередливому вкусу в табачных изделиях, зато друзья списывали на привычку, свойственную шотландцам, – разборчивость во всем, и считали наивной попыткой смягчить вред курения, дать себе хоть какой-то шанс, что маленький порок не нанесет особого ущерба здоровью.

Детектив выкурил сигарету до половины и продолжал бы дымить, но помешала неожиданно посетившая мысль. Он снял трубку внутреннего телефона и связался с инспектором Уитерсом, уравновешенным и дотошным в своей работе офицером, который пользовался его особым доверием.

– Есть результаты? – поинтересовался Бриди, склонив голову набок и сжимая мундштук сигареты зубами.

– Никаких… сэр, – Уитерс добавил положенное уважительное обращение, словно вспомнил о нем в последний момент. Они были друзьями, но Уитерс пребывал сейчас в скверном настроении. – Я просмотрел каждый рапорт. Все сорок семь. Никаких упоминаний о черном человеке нет и в

помине. Ни одна живая душа из окрестных домов не видела в интересующий нас вечер никого, даже близко похожего на черного мужчину, если не считать тех двух истеричек.

– Ясно. Положим, миссис Сэндерсон чересчур эмоциональна, – признал он, – а девица по имени Молли не очень умна, но когда сразу две женщины утверждают, будто видели черную фигуру, прошедшую через двор под окном кухни, то я поневоле склонен им верить.

Уитерс молчал.

– Но ты сам им не веришь?

– Нет, не верю, сэр. – Уитерс отвечал вежливо, но давалось ему это с трудом. – Уж простите, но более нелепой истории я в жизни не слышал. И вообще, почему они сразу не подняли тревогу?

– Двор служит одновременно проходом к расположенной рядом галерее, и там частенько появляются незнакомые люди.

– Верно. А почему это черное привидение не могло быть одним из таких посетителей, имевших полное право находиться там? Может, кто-то пришел забрать упакованный для него ящик или нечто подобное? Почему он вас так заинтересовал? К чему беспокоиться о нем?

– Он не имел права там находиться. Его никто не ждал. Ты сам только что подтвердил это фактами из рапортов и показаний свидетелей.

– Хорошо, я продолжу расследование в этом направлении.

– И правильно сделаешь, – поддержал его Бриди.

– Есть новости по другому поводу? – Офицер не смог отказать себе в попытке мягко задеть начальника, но Бриди лишь широко улыбнулся, сжимая трубку телефона.

– Я держу того типа под наблюдением, – заявил он. – Парень старается держаться подальше от дома и развлекается как может, но мы выждем еще пару часов. Понятное дело, он обходится нам дорого, если считать, сколько обуви стоптали сыщики, но здесь уж ничего не поделаешь.

Этим несколько загадочным заявлением он завершил разговор и положил трубку, вернувшись к своей сигарете, которая, к его огорчению, успела почти полностью истлеть.

В соседнем кабинете дежурный сержант суровым тоном разговаривал по другому телефону:

– Мне нет дела до того, кто вы такой, сэр, но сегодня вы беспокоили шефа уже дважды, и, если не обладаете новой информацией, которую следует в первую очередь сообщить мне, больше я вас с ним не соединю. Мы делаем все, что в наших силах. Не сомневайтесь.

– Послушать вас, так все прекрасно, – усмехнулся Годольфин. – Но правда ли это? Прошло уже более двух недель, и предварительное слушание возобновится менее чем через шесть дней.

– Естественно, мы знаем об этом, сэр. И работаем над делом.

Сержант внимательно выслушал звонившего, но вздох-

нул с облегчением, когда известный путешественник повесил трубку.

– Он, видите ли, считает, что исполняет свой гражданский долг, – обратился он к стоявшему рядом констеблю. – Я сделал занятное наблюдение. Даже смешно. Они все такие – те, кто побывал на Востоке. «Расшевелить лентяев» – так они называют это между собой. Наверное, за границей это и срабатывает, но, вернувшись домой, им надо понимать, что они нам только мешают, болтаясь под ногами. Та же привычка у старых отставных военных.

В три часа дня мисс Фрэнсис Айвори в большой спешке и с заранее заготовленным предлогом для визита позвонила в дверь квартиры в районе Сент-Джонс-Вуд, которую мистер Пендлбери, офицер американской регулярной армии, сдал внаем Дэвиду Филду. Она стояла и слушала, как звонок звучит в пустой гостиной-студии, пока наконец не сообразила, что если бы кто-то был, то ей бы давно уже открыли. Она вернулась на лестничную клетку со смешанными чувствами раздражения и облегчения, подавлявшими то отчаяние, которое овладевало ею все сильнее и заставило пойти на столь необдуманный шаг.

Позднее в тот же день, когда к Филлиде пришел врач, Фрэнсис сидела около телефона, а Бриди читал уже второй отчет обо всех перемещениях Дэвида Филда. Мисс Дорсет в это время сжигала в подвальной печи целую корзину мерзких анонимных писем; Годольфин готовил уже тре-

тий список вопросов, ответы на которые хотел получить хотя бы у Норриса; а Генри Лукар, со своей рыжей шевелюрой, подчеркивавшей бледность лица, возвращался на поезде в Лондон, сопровождаемый сержантами Рэндалом и Беттсом. Именно тогда состоялся любопытный телефонный разговор на линии, соединявшей маленький домик в Тутинге и дом на окраине столицы в Криклвуде.

– Я виделась с ней, мама, – раздался молодой голос из Тутинга.

– Что она говорит? – Голос более пожилой женщины из Криклвуда звучал нервно.

– Она знает, что ты права, но ничего не смеет сделать. Ей нельзя покидать свою хозяйку, поскольку леди очень стара. Если ее бросить, то она запросто богу душу отдаст. Так она выразилась.

– Возможно, так оно и есть, но ведь нужно и о себе подумать тоже. Ее должна волновать родня и о чем судачат люди повсюду. Ты сказала ей, что это дурно для репутации ее родной сестры, ведущей достойную жизнь, когда в нее тычут пальцами из-за мнимой связи с убийством? Кому-то такое лишь в радость, но только не для нашей семьи. Мы – уважаемые члены общества, добрые прихожане, и всегда ими являлись. Ты напомнила ей об этом?

– Да, мама.

– Но она все же не желает уходить оттуда?

– Так она мне ответила.

– Ты дала ей понять, что мы с отцом всегда готовы приютить ее у себя, если нужно?

– Да, мама, но она не приедет.

– Она нарывается на неприятности. От нее сплошные проблемы. Так было с ней всегда. Упряма как ослица. Свинья неблагодарная. – Последовала пауза, после чего тот же старческий голос продолжил, но уже совсем тихо: – Она поделилась какими-нибудь подробностями?

– Нет. Сказала только, что не знает, кто это сделал.

– Вот как, – пожилая женщина была разочарована. – Отец считает, что мы должны все выяснить не позднее остальных.

– Верно. – Молодой голос зазвучал озабоченно и стал вдруг порывистым: – Мама? По-моему, она как-то сама замешана.

– Неужели?

– Мне так кажется.

– Только ничего не говори отцу. Что еще она тебе сказала? Надеюсь, не призналась, что сама это сделала?

– Что ты! Нет, конечно. Она мне вообще ничего не сообщила. Я просто чувствую: ей что-то известно. Но только она помалкивает. Все, мне надо идти…

Последний телефонный разговор, имевший хоть какое-то значение, состоялся в половине седьмого тем же вечером. В дом 38 на Саллет-сквер позвонил Дэвид Филд. Фрэнсис первой успела снять трубку и испытала невероятное облегчение, которое невольно выдал ее тон.

– Привет, герцогиня, это ты? – Дэвид говорил спокойно, словно ничего не происходило. – Как поживаешь?

– Все в порядке.

– Правда? Или ты изображаешь отважную маленькую девочку?

– Угадали. Я лишь притворяюсь отважной. Хотя смелости во мне оказалось больше, чем я ожидала.

Дэвид рассмеялся, довольный искренностью ответа.

– Правда, дорогая? Впрочем, держу пари, так оно и есть. Не хочешь выбраться из дома и поужинать со мной сегодня? Да, я все понимаю, но мне важно увидеться с тобой, и я выбрал место, где мы не столкнемся ни с кем, кто нас знает, не волнуйся об этом. Даже звезды кино ухитряются бродить по Лондону, никем не замеченные. Не волнуйся по поводу нежелательной огласки.

– Я не хочу ужинать с вами, – заявила Фрэнсис и добавила небрежно: – Вы не можете найти себе другую компанию?

– Конечно, могу. Хотя я бы предпочел свидание именно с тобой. Я пропал на пару дней, и, представь, уже сегодня мне позвонил репортер из колонки светских сплетен, интересуясь, в силе ли еще наша помолвка.

– Что же вы ему ответили?

– Я был на высоте. Сказал, что мы по-прежнему помолвлены и если я прочитаю нечто иное в его дрянной газетенке, то с удовольствием либо подам на него в суд за клевету, либо лично надеру ему уши. Выбор я оставил за ним. Надень то

свое красивое синее платье, а я заеду за тобой в половине восьмого.

– Габриэлла предписала нам всем носить только черное на протяжении месяца.

– Как такое взбрело ей в голову? Вот за что я так люблю эту старуху. Железная Бабушка – самое подходящее для нее прозвище. Стальной стержень внутри. А у тебя есть траурное платье для танцев?

– Найдется.

– Прекрасно. Значит, увидимся в половине восьмого. Не вешай нос Между прочим, я приеду в обычном такси. Роскошного лимузина нет под рукой. Что ты сказала?

– Давайте без лишней торжественности. Дэвид…

– Слушаю тебя.

– Почему вы вдруг пропали?

– Что?

– Куда так внезапно подевались?

Фрэнсис снова услышала смех, но на сей раз смущенный:

– Черт побери, могла бы и сама догадаться!

И он повесил трубку, оставив ее в недоумении.

Глава 12

«Мраморный зал» был назван так хитроумным владельцем, когда он понял необходимость соответствовать тому особому стилю самоиронии, которая составляла суть дешевого шика, каким окружило себя первое послевоенное поколение. Он открыл просторный ночной клуб с рестораном, специально рассчитанным на эту публику, то есть на интеллигенцию, и постепенно сумел завлечь ее к себе. Цены им были установлены запредельные, зато атмосфера царила подлинно эксклюзивная, и, как кто-то охарактеризовал клуб в ночь его открытия, «там ты чувствовал себя приятно, несмотря на дурной вкус обстановки». Отделка копировала моду девяностых годов XIX века, а величайшей приманкой стали отдельные кабинеты, устроенные полукругом вдоль узкого балкона, где имелась возможность поужинать вдали от посторонних глаз. Впрочем, занавески большинства кабинетов, вопреки своему изначальному назначению, оставались отдернутыми, привлекая к сидевшим внутри всеобщее внимание. Однако желающие спрятаться скрывались без труда. В общем, здесь потакали любым желаниям клиентуры, и ночной клуб процветал.

Когда Фрэнсис под руку с Дэвидом вошли в зал, почти все столики нижнего яруса, располагавшиеся около небольшой танцплощадки, оказались заняты, но места для них были за-

резервированы заранее, и они расположились под сенью раскидистой пальмы в кадке.

Пару минут Дэвид разглядывал свою спутницу.

– Ты словно сошла с картины Дега, – произнес он. – Очаровательно. Мне очень нравится это платье. Оно идеально вписывается своей простотой во всю эту нарочитую претенциозность. И не озирайся по сторонам, как испуганный олененок. Шутка тебе и так уже удалась. Ни о чем не беспокойся. В этом зале нет ни одной живой души, интересующейся кем-либо, кроме себя. Вот в чем секрет успеха в наше время. Индивидуализм.

«Он в своем стиле», – подумала Фрэнсис. Она встретилась с ним, ожидая подвох во всем, и старалась держать себя в руках, но буквально через пять минут Дэвид уже успокоил ее, по-дружески посмеивался, руководил ее настроением мягкой, но опытной рукой дирижера. Сейчас он отвернулся от нее и с интересом осматривал отдельные кабинеты наверху. Она успела заметить, как он похудел и осунулся, очевидно за легкостью и внешней свободой его манер крылось напряжение и усилие воли. Странным он все-таки был человеком.

Они едва успели закончить ужин, когда доставили сообщение. Дэвид взял записку с подноса официанта, и уголки его широкого рта скорбно опускались по мере того, как он читал текст.

– На нас обратили внимание, – объявил он. – Идемте со

мной, леди. Настало время для вас покрепче ухватиться за мою руку.

– О чем вы? Что происходит?

– Эй! – Дэвид привстал из кресла, но замер, чтобы снова посмотреть на нее. – Не следует выпускать штурвал. Не предполагал, что ты поведешь себя трусливо. Я думал, ты сделана изо льда и стали, как те девушки, о которых читал, когда брал книжки в корабельных библиотеках. Все в порядке. Мы собираемся взглянуть, как наш дядюшка Долли-Адольфус, сыщик-любитель, развлекается по вечерам.

Дэвид подхватил Фрэнсис под локоть, и они вдвоем проследовали за официантом по широкой главной лестнице с белыми металлическими перилами и стенами, покрытыми алым плюшем, и затем вдоль узкого коридора с зеркальными панелями, тянувшегося мимо кабинетов на балконе. Официант постучал в одну из них и распахнул перед ними дверь.

Сначала им бросилось в глаза мягкое сияние свечей. Занавески были частично задернуты, а в дальнем конце кабинета стоял маленький столик на двоих. Долли Годольфин, щегольски одетый и имевший очень важный вид, поднялся, чтобы приветствовать их. Но удивление вызвал не он. Напротив него в темном длинном платье сидела Филлида. Дэвид смотрел на них. Он побледнел, и у него буквально отвисла челюсть.

– Вы, наверное, полные оболтусы! – воскликнул Дэвид, и это старомодное выражение придало его фразе силу, не срав-

нимую по смыслу с гораздо более грубыми ругательствами, распространенными среди современников.

– Вовсе нет, – бодро отозвался Годольфин. – Почему бы вам не присесть с нами? Мы что-нибудь закажем. Как раз обсуждали меню, когда увидели внизу вас. Странно, что вы решили посетить тот же ресторан, не правда ли?

– Вероятно, я избрал это место по той же причине, что и ты сам. Здесь редко можно встретить знакомых. Извините, что пришлось прибегнуть к столь нелестному для вас обоих определению, но, богом клянусь, вы совсем рехнулись.

– Садитесь. – Годольфин поставил кресло для Фрэнсис рядом с Филлидой.

Наигранная легкость его манер бросалась в глаза, и она подумала, что он ведет себя как детектив-любитель из театральной постановки. Подобное же впечатление сложилось, видимо, и у Дэвида, потому что он бросил на него выразительный взгляд.

– Это серьезно, – произнес он. – Ты все еще в отрыве от цивилизованного мира, Долли. Важно не то, что подумают обычные люди, старина. Мне на это так же наплевать, как и тебе. Придавать значение следует подозрениям, которые могут возникнуть у полицейских. Они проследили за вами. Обязаны были проследить. Ко мне они тоже приставили соглядатая с самого начала.

Годольфин многозначительно посмотрел на Филлиду и занял свое место за столом.

– Сигарету? – предложил он.

Фрэнсис захотелось накричать на него. Годольфин был немного пьян и пытался использовать это в свою пользу. Вернувшись домой в самый разгар разыгравшейся там трагедии, теперь он удовлетворял какие-то собственные глупые актерские амбиции. Фрэнсис оглядела сводную сестру, чтобы понять, как та воспринимает происходившее, но внезапно ее внимание привлекло нечто иное.

Филлида надела платье из шифона, которое небрежно отбросила от себя вечером накануне похорон. Дымчатая ткань сливалась с тенью и почти пряталась в ней, зато корсаж блистал россыпью бриллиантов. Бриллианты чаще всего заменяют имитациями, но подлинный камень трудно принять за подделку. Слегка водянистое сияние настоящего белого бриллианта распознается безошибочно, и Фрэнсис невольно уставилась на ожерелье. Филлиде принадлежало немало драгоценностей, но подобную поразительную красоту нельзя было долго прятать в ящике туалетного столика или даже в сейфе, вмонтированном в стену. Казалось невероятным, что она не видела этих украшений прежде.

Дэвид проследил за взглядом Фрэнсис.

– Довольно ярко, – заметил он, наклонившись вперед. – Новое приобретение?

Филлида ничего не сказала, а лишь вялым взмахом руки указала на Годольфина.

Дэвид откинулся назад:

– Что ж, я прав. Вы совсем свихнулись. Ты добьешься того, что девушку арестуют, Долли. Разве ты не слышал слов старой миссис Айвори? И она права. Послушай, здесь нет ничего смешного. Ты знаешь, что мы с тобой, хотя и Филлида тоже, если на то пошло, принадлежим к разудалой банде, выросшей в послевоенные годы, оказавшись посреди такого хаоса, который нельзя было воспринимать иначе, чем развеселую шутку, и мы смеялись от души, перепробовали все, ничего не принимая всерьез… Но те времена прошли. Мы постарели. Мы взрослые люди. Принадлежим к правящему поколению. И любой беспорядок, любая возникающая у нас проблема… Неприятности – уже не плод нашего воображения. И ты не должен изображать безмозглого юнца, как делал это в двадцатые годы. Смотрится не только нелепо, но и ставит тебя в опасное положение.

Годольфин громко откашлялся и улыбнулся:

– Я собирался поговорить с тобой завтра, но подумал, что мы можем потолковать здесь и сейчас. Фрэнсис тут тоже, кстати. Я тщательно взялся за данное дело, как и предупреждал вас. И пришел к любопытным умозаключениям. Выслушай ты меня, Филд. Буду откровенен. Ты можешь открыться нам. Никто из нас не настроен против тебя. Нет ничего, на что мы не готовы, чтобы помочь тебе, однако для начала надо расставить все по местам. Ты убил Роберта?

Дэвид сидел неподвижно, глядя на них. Черты лица сделались жесткими, а в глазах загорелся огонь эмоций, не сра-

зу поддававшихся определению.

– Ну, знаешь ли, мой дорогой друг… – наконец промолвил он.

Годольфин наклонился вперед и сказал:

– Это не ответ на мой вопрос.

Дэвид поднялся. Трость Годольфина стояла рядом с его креслом, и Филд указал на нее:

– Когда ты достаточно оправишься, чтобы ходить без палочки, я по полной отвечу тебе! Как я понял, ты нарываешься на драку.

– И все же ты мне не ответил.

– Он весь вечер ведет себя так странно? – обратился Дэвид к Филлиде, но осекся, заметив выражение ее лица. В еще большей степени на него повлиял быстрый взгляд, брошенный на Фрэнсис. Его губы скривились в усмешке, и он громко расхохотался: – Господи! Поистине, жизнь полна сюрпризов. Нет, Долли, я не убивал его.

– И все же именно ты стал последним, кто мог видеть Роберта живым. Ты вышел из зимнего сада и сообщил Фрэнсис, что он отправился на прогулку. Это известно всем.

Своими замашками Годольфин все больше напоминал прокурора в суде и в порыве обвинительно пафоса широко расставил на столе руки, склоняясь ближе к Дэвиду.

– Так и было. Я решил, что он хочет выйти из дома. Черт побери! Я сам принес ему из холла шляпу и плащ, – признание вырвалось прежде, чем он осознал его значение, и Дэ-

вид замолчал, заметив, какую реакцию его слова вызвали у Годольфина.

– Так это ты взял его плащ и шляпу?

– Да. Но только не надо драматизировать. Я принес вещи и бросил перед ним на стол.

– Почему?

– Он попросил меня.

– Ты действительно считаешь, что тебе поверят?

– Нет. Оттого и не упоминал об этом прежде.

Годольфин откинулся на спинку кресла.

– А не проще ли тебе будет признаться нам? – уже мягче спросил он. – В конце концов, мы на твоей стороне. Знаем, каким человеком был Роберт, как известна нам и твоя способность терять голову, когда злишься. Дай нам шанс защитить тебя.

Собравшийся уходить Дэвид уперся спиной в дверь кабинета. В смокинге он казался еще выше ростом. Руки он держал в карманах, голову низко наклонил.

– Но для чего? – спросил Дэвид. – По какой причине я мог убить его? Признаю, у меня состоялся с ним разговор по поводу моей женитьбы на Фрэнсис, но он никак не мог нам помешать и расстроить наши планы. Он же не Мейрик, а она свободная и совершеннолетняя девушка. Ей уже исполнился двадцать один год, если ты забыл.

Годольфин вновь выразительно посмотрел на Филлиду, словно желая убедиться, что по-прежнему имеет в ее лице

внимательную и заинтересованную слушательницу.

– Хорошо, Дэвид, – кивнул он. – Но давай предположим, что во время этой милой беседы наедине с Робертом он сказал тебе нечто оскорбительное. Предположим, ты разглядел в его глупом лице презрительное выражение и осознал, насколько мерзкий и напыщенный осел стоит перед тобой. Тогда ты решил дать ему понять, как к нему относишься. И все ему высказал. Чем не правдоподобное предположение?

Годольфин сделал паузу, и взгляды присутствующих устремились на Дэвида. Тот был мертвенно-бледным. Дружелюбие пропало с его лица в одно мгновение, как стертая губкой надпись со школьной доски. Годольфин продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.